

ПУШКИН

ПУШКИН

Annotation

Новиков Владимир Иванович родился в 1948 году в Омске. Доктор филологических наук, профессор факультета журналистики МГУ. Автор биографических книг «Александр Блок» и «Высоцкий», главы из которых печатались в «Новом мире» (2001, № 11—12; 2002, № 1; 2008, № 2; 2009, № 4, 9). Книга «Пушкин» готовится к выходу в малой серии «ЖЗЛ» (издательство «Молодая гвардия»). Живет в Москве.

- [Новиков В. И.](#)
-

Новиков В. И.

ПУШКИН

Рассказать биографию Пушкина... Впервые с такой задачей я столкнулся шестнадцать лет назад в Норвегии. Лекция моя называлась «Легендарные русские поэты», аудитория — творческий семинар студентов разных факультетов, все пишут верлибры по-норвежски.

— Первый легендарный поэт России — это, конечно, Пушкин, — начал я, ожидая понимающих улыбок: мол, про него-то мы знаем.

Оказалось, слышат впервые. Написав на доске «Pushkin», я осознал уникальность ситуации и свою огромную ответственность перед отечественной культурой. То, что я сейчас скажу, станет для моих слушателей единственной правдой о нашем национальном гении. Никакой отсебятины — надо выбрать главное и изложить его самыми ясными и быстрыми словами.

Следующий 1999 год был юбилейный, и цикл лекций о Пушкине в университете города Экс-ан-Прованс читался по-русски славистам.

— Когда Пушкин первый раз приехал в Париж? — спросил я студентов для начала.

Все на мгновение напряглись, а потом заулыбались: *jamaïs!* никогда! Не довелось ему во Франции побывать. Что ж, с подготовленной аудиторией — разговор совсем другой.

В том же году я написал статью «Двадцать два мифа о Пушкине», которая вышла и во Франции и в России. Разложил по полочкам: «наше всё», «умнейший человек России», «дурак» (по Писареву и Хармсу), «донжуан», «однолюб», «оптимист», «пессимист», «атеист», «религиозный поэт», «пророк и учитель», «эстет», «новатор», «традиционалист», «декабрист», «монархист», «космополит», «патриот», «жертва», «победитель» и т. п. Вроде бы ничего не упустил, существенно новых мифов в начавшемся XXI веке уже не появилось.

Началась научная систематизация метапушкинской мифологии — этому посвящены монография М. Загидуллиной и докторская диссертация Т. Шеметовой, которую мне довелось оппонировать. Одобрив работу, я задал диссертантке такой примерно вопрос. Творческие мифы — духовная роскошь; современному читателю как бы предлагается большой выбор

пирожных, а где такая простая и внятная биографическая книжечка, которая была бы куском хлеба для неподготовленного, не слишком начитанного человека? Чтобы из нее он мог почерпнуть не концепции и гипотезы, а самые необходимые первичные сведения.

Ответ, впрочем, я знал наперед: такой книжечки нет. Современная пушкинистика богата и разнообразна: разыскания, разборы, интерпретации, академическая текстология. Но все это рассчитано на читателя-специалиста, читателя как минимум с высшим филологическим образованием. Думаю, что и серьезная книга Ю. Лотмана, выходявшая тридцать с лишним лет назад в качестве пособия «для учащихся старших классов», сегодня трудна не только для подростка, но и для большинства взрослых читателей. Для передвижения по пушкинскому миру нужен компас, желательно компактный. Чтобы в карман вмещался и не требовал длительного изучения.

Вот такую карманную книжечку задумал я написать для малой серии «ЖЗЛ» (в большой серии имеется благополучно переиздающийся двухтомник Ариадны Тырковой-Вильямс). Помимо цели просветительской была здесь и специфическая литературная задача. В судьбе писателя есть сюжет и фабула. Сюжет — это творческая эволюция художника, это единый смысл всего им написанного, это его взаимоотношения с литературной историей. Фабула — судьба личности в житейском пространстве. Пушкинский сюжет так грандиозен, что фабула в нем, как правило, растворяется. В пушкинистике «творчество» решительно доминирует над «жизнью».

Между тем наступил новый век, и литературоцентризм остался в прошлом. Новый читатель больше интересуется жизнью — и собственной, и писательской. От нее он может шагнуть и к текстам — такова теперешняя мотивация. Жизнь у Пушкина была довольно интересная и фабульная. А что если прочертить эту фабулу, увидеть ее общим планом? Мне совсем не хотелось творить очередного «моего Пушкина» — тянуло уловить динамику реальной судьбы героя, вбирающей в себя и «труд упорный», и «все впечатленья бытия», и литературное и невербальное участие в жизни.

Пушкин по своей природной сути — ныряльщик. Уловив течение жизни, он бросается в поток. Новая любовь, новая дружба, новая дуэльная вражда, новое путешествие. И точно так же — новое сочинение, стихотворное или прозаическое. Ритм не теряется ни на минуту, драйв возрастает. Течение несет Пушкина к неминуемой гибели, за которой столь же неминуемое бессмертие. Каждый пушкинский текст, любой эпизод его судьбы сохраняет заряд прижизненной динамики. Мы можем получить

свою дозу и читая стихотворение, и воспринимая (или вспоминая) отдельный биографический факт. Отбор фактов для книги — профессиональный риск биографа, поскольку он может положиться только на собственную интуицию. Абсолютно научной может быть разве что многотомная «летопись жизни и творчества» на тысячи страниц. Компактная же книжка всегда субъективно-изобразительна. Это относится и к повествованию Ю. Лотмана, и к повествованию И. Сурат и С. Бочарова. Единственного решения здесь быть не может.

По жанру считаю свою книжку новеллой. В ней нет подзаголовков — эпизоды обозначены просто римскими цифрами, как строфы в «Евгении Онегине» или в «Домике в Коломне». В какой-то степени мне было созвучно то понимание пушкинской судьбы, которое содержится в раздумьях автобиографичного героя повести Сергея Довлатова «Заповедник». Ясный и прозрачный стиль Довлатова-рассказчика был бы, наверное, идеален для краткой биографии Пушкина. Простота может быть способом остранения, свежего взгляда на знакомый предмет, многократно мифологизированный и демифологизированный. «Пишем для человека, а не для соседнего ученого», — говорил В. Шкловский. Обращение к неведомственному читателю обусловило почти «детгизовский» дискурс книги. На этот риск я пошел сознательно.

В процессе писания книжки я внутренне примирился с самыми разными существующими насчет Пушкина мифологемами — они по-своему правомерны. Пушкин как человек-мир открыт для любых художественных уподоблений. Моя книжка ни с кем не спорит — надеюсь, что и прочитавшие ее без предубеждения заинтересуются тем, что написано и пишется о Пушкине.

Это моя третья и последняя книга в серии «Жизнь замечательных людей». Предыдущими персонажами были Высоцкий и Блок. Состав «троицы» весело предсказан Высоцким в песне «Посещение Музы»: «Ведь эта Муза — люди подтвердят! — *Засиживалась сутками у Блока, У Пушкина жила не выходя*».

Пушкин, Блок и Высоцкий, по-моему, — три самых легендарных русских поэта. Ведь, скажем, Мандельштам не является культовым для «простых» людей, а Есенин — наоборот, не «культов» для эстетов.

Степень легендарности, кстати, экспериментально проверяется по тому, насколько знамениты спутницы поэтов. Здесь Наталья Николаевна, Любовь Дмитриевна и Марина Влади(мировна) оставляют всех соперниц далеко позади.

Все три поэта делали сознательную ставку на демократизм, который

был для них главным эстетическим вектором.

Еще все трое, страстно интересуясь социальными вопросами, не были политически ангажированы. «Медный всадник», «Двенадцать», вся совокупность песен Высоцкого (для примера приведу «Баньку по-белому» или «Старый дом») — структуры многозначные, в смысловом отношении амбивалентные, не сводимые к идеологическим схемам.

Пушкин, Блок и Высоцкий сходятся еще в одном отношении. Обладая несомненной харизматичностью, они не стремились к лидерству, не были кружковыми «гуру». Им больше нравилось присутствовать в разнообразных кругах и кружках, получая свежую информацию, наблюдая за новыми людьми. Любимая форма дружеского контакта у всех троих — диалог, встреча один на один. Можно даже прочертить некоторую сравнительную типологию связей. Таково, например, амплуа верного друга, лишённого конкурентно-творческих амбиций. Для Пушкина таким был Павел Нащокин, для Блока — Евгений Иванов, для Высоцкого — Вадим Туманов.

Каждый из героев потребовал своего подхода. Больше всего филологической рефлексии в книге о Высоцком, что обусловлено полемической необходимостью: многие интеллектуалы до сих пор не видят его семантической двуплановости, его способности мыслить разными точками зрения. В книге о Блоке «жизни» и «творчества» поровну, поскольку он жил и писал в эпоху жизнетворчества.

На Пушкина, по-моему, такая «серебряновечная», модернистская модель не распространяется. Не думаю, что он творил свою жизнь по эстетическим законам, как произведение искусства. Он отдавался стихии жизни со всей человеческой непосредственностью, что и придает его многоактной биографической драме смысловую прозрачность. Впрочем, эту мысль я старался не декларировать, а передать ее в нарративе. Чтобы сама жизнь поэта сказала это читателю.

На Земле есть Россия, в России — Москва, в Москве — Немецкая слобода.

Там, на углу Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка, стоит дом коллежского регистратора Скворцова, арендуемый отставным майором Сергеем Львовичем Пушкиным. 26 мая (по новому стилю — 6 июня) 1799 года, в день Вознесения, здесь появляется на свет его сын Александр, который станет первым поэтом России и главным ее символом.

Пушкин — будет.

I

С весны 1823 года жизнь и судьба Пушкина начинают измеряться не

только годами, но и главами «Евгения Онегина». В мае начата первая глава. Сперва автор называет новое сочинение поэмой. Приходящие к Пушкину визитеры иногда застают его лежащим в постели и пишущим новые строфы на клочках бумаги. Порою он сам смеется над удачными остротами.

В октябре первая глава дописана, 3 ноября готовы семнадцать строф второй главы. А на следующий день Пушкин посылает Вяземскому в Москву для опубликования текст «Бахчисарайского фонтана», прося приписать к нему предисловие или послесловие. Попутно сообщает: «Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница». Роман в стихах — это пока непривычное выражение станет именем для нового жанра.

Пушкин опережает самого себя. Заглядывает в неведомое будущее — жизненное и литературное. В январе 1824 года офицер Петр Муханов, толковый читатель, которого поэт познакомил с первой главой «Онегина», пишет Рылееву в Петербург: «Пушкин гигантски идет к совершенству».

Десятого марта в Москве выходит «Бахчисарайский фонтан», сопровождаемый вступительной статьей Вяземского. Тиражом 1200 экземпляров, по цене пять рублей. Авторский гонорар — три тысячи, то есть по пять рублей за каждый стих. Вяземский доволен коммерческим результатом. Книга расходуется удачно наравне с такими бестселлерами, как два тома «Истории» Карамзина и новейшее издание Жуковского.

Тем временем над Пушкиным-чиновником сгущаются тучи. В конце марта 1824 года Воронцов адресует графу Нессельроде просьбу удалить Пушкина из Одессы. Для его же, Пушкина, пользы.

«Главный недостаток Пушкина — честолюбие. Здесь находятся люди (и их будет еще больше во время купального сезона), которые, будучи чрезмерными поклонниками его поэзии, думают, что оказывают ему дружескую услугу, восхваляя его, а на деле поступают как враги, заставляя его терять голову и убеждая его, что он видный писатель, в то время как он всего лишь слабый подражатель малодостойного оригинала (лорда Байрона), и только труд и упорное изучение подлинных великих классических поэтов могут сделать плодотворным счастливое дарование, в котором ему нельзя отказать».

Прямо-таки учительская интонация: пусть, мол, не зазнается и больше учится у классиков. Что же на самом деле? Ревность? Досада на эпиграммы, которыми Пушкин больно колет начальника?

Подчиненного в числе других чиновников отправляют в степные уезды «для собрания сведений» о саранче, заполонившей поля. За Пушкина

пробует вступиться Вигель. И слышит в ответ от Воронцова: «...Если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приятельных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце». После чего следует добавление: «Также и о достойном друге его Раевском».

Ревность к Раевскому имеет больше оснований, но отвечать за все будет Пушкин.

II

Четыреста рублей на прогоны получены. Херсон. Оттуда — в Елисаветград, по пути остановка в Сасовке — имении помещика Добровольского. Пушкинская слава уже обитает в этом доме. Хозяин показывает ему истрепанную тетрадку «Кавказского пленника», а его трехлетняя дочка декламирует:

Ты говорила: «Пушкин милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись главой ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь».

«Пушкин» вместо «пленник» вставила — может быть, старшие подучили. Красавицей будет! Поэт целует девочку, читает ей в ответ: «Играй, Адель, / Не знай печали...».

Здесь встречает Пушкин свое 25-летие — в задумчивой компании, с венгерским вином. На прощание дамы засыпают его цветами, а мужчины сопровождают до Елисаветграда.

Через два дня он возвращается в Одессу. Потом, со слов чиновника Писаренко, также выезжавшего на борьбу со злобным насекомым, пойдет легенда о стихотворном командировочном отчете Пушкина, представленном Воронцову: «Саранча летела, летела и села; сидела, сидела — все съела и вновь улетела».

Какая-то переписка между начальником и подчиненным все же была, а 2 июня Пушкин пишет на гербовой бумаге достоинством в два рубля прошение об отставке. На высочайшее имя.

Он не видит уже необходимости в служебном жалованье, надеясь, что литературные занятия принесут большой доход. А главное — свое положение при Воронцове он считает невыносимо унижительным. «На этот счет у меня свои демократические предрассудки, вполне стоящие предрассудков аристократической гордости», — пишет Пушкин правителю воронцовской канцелярии А. И. Казначееву, с которым у него сложились добрые отношения.

Жена Вяземского, Вера Федоровна, приезжает с двумя детьми в Одессу. Ей тридцать три года, она берет на себя роль строгой

воспитательницы Пушкина, пишет о нем мужу: «Это совершенно сумасшедшая голова, с которой никто не может совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина — с его стороны. Мне известно из хорошего источника, что отставки он не получит».

Однажды Пушкин отправляется на прогулку к морю с Вяземской и Воронцовой. Девятый вал обдаёт их с головы до ног. Природа пророчит неладное.

В Министерстве иностранных дел прорабатывается вопрос: что делать с Пушкиным? Составляется даже справка о его материальном положении: от родителей не получает ничего, живет на скромное жалованье в семьсот рублей в год да на гонорары.

Еще один документ фигурирует в деле: перехваченное полицией письмо поэта неизвестному адресату со злополучной фразой: «...Пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма». Упомянут «умный афей» — это домашний врач Воронцовых, англичанин Хатчинсон. Человек, который отрицает существование «разумного Творца и правителя» и тем производит на поэта впечатление. «Афеизм» считается крамолой (слов «атеист» и «атеизм» в русском языке пока еще не существует).

Итоговое решение государя: Пушкина «уволить вовсе от службы» и выслать в имение, которым его родители владеют в Псковской губернии. Под надзор местных властей.

По Петербургу ходят слухи, что Пушкин застрелился. Сам он в это время набрасывает предисловие к первой главе «Евгения Онегина», кутит с моряками причаливших в Одессе кораблей, выигрывает в одной компании девятьсот рублей в карты. Получает от Вяземского через Веру Федоровну 1260 рублей, созывает к своему окну извозчиков, чтобы отдать им долги.

К слову, о картах в жизни Пушкина. Выигрыши у него приключаются реже, чем проигрыши. Игра и дальше будет приводить к долгам и безденежью. Умом Пушкин понимает опасность «игромании», которая у него станет сюжетом «Пиковой дамы», а в эпиграф к первой главе повести он вынесет собственную эпиграмму на картежников с ироническим финалом: «Так в ненастные дни / Занимались они / Делом». Но, говоря грибоедовской формулой, «ум с сердцем не в ладу». Страсть к игре не отпускает Пушкина, а бурный темперамент не способствует удаче — тем более, что партнерами нередко оказываются явные мошенники, обыграть которых заведомо невозможно. Карты в XIX веке — это определенная область культуры, некий вид спорта. Некрасов, например, в нем будет добиваться стабильного успеха, но с Пушкиным-картежником более сходен

окажется Достоевский в качестве незадачливого игрока в рулетку.

Графине Воронцовой предстоит отъезд из Одессы. Она дарит Пушкину кольцо и золотой медальон со своим портретом.

Пушкину объявляют о его назначении в Псков. Он без шляпы и перчаток мчится к Вере Федоровне с этой новостью. Хочется бежать куда угодно, хоть за границу. Но...

1 августа отставленный от службы коллежский секретарь со своим неизменным дядькой Никитой Козловым отправляется на север.

Через восемь дней Пушкин прибывает в Михайловское, где его встречают родители, сестра, брат и няня Арина.

Небольшая комната с окном на двор. Кровать с пологом, письменный стол, шкаф с книгами. Весь Пушкин здесь. Так же будет, когда он останется один.

III

В красной, подпоясанной кушаком рубаше, в белой шляпе, небритый, с тяжелой железной палкой в руке (для непрерывного упражнения) — таким предстает он во время своих прогулок. По ночам пишет и читает.

Наведывается в соседнее Тригорское, с обитателями которого давно знаком. Прасковья Александровна Осипова, сорокадвухлетняя помещица, недавно овдовела. У нее семеро детей от двух браков. И к Пушкину она относится с материнской нежностью.

Старший ее сын, девятнадцатилетний Алексей Вульф, делается близким приятелем Пушкина. Он слушает лекции в Дерптском университете вместе с поэтом Николаем Языковым («визитной карточкой» которого потом станет стихотворение «Пловец», оно же песня «Нелюдимо наше море...», мелодия народная). Вульф зазывает Языкова в гости. Два поэта обменивались стихотворными посланиями, а встречаются впервые. Языков Пушкина принимает с оговорками («Бахчисарайским фонтаном», например, был недоволен), а тот к нему — со всею душой.

Местные власти ищут кого-нибудь «из благонадежных дворян» для наблюдения за Пушкиным. Назначают одного, а он тут же отказывается, ссылаясь на болезнь. В итоге эта роль достается не кому иному, как статскому советнику Сергею Львовичу Пушкину. Он будет иметь «бдительное смотрение и попечение за сыном своим», как сказано в рапорте псковского гражданского губернатора.

Сын возмущен тем, что отец согласился за ним шпионить. Происходит объяснение, не без жестикуляции. Отец выбегает из комнаты и кричит на весь дом, что сын хотел его «прибить».

Чем так, то уж лучше в крепость. Пушкин письменно просит об этом

губернатора, но послание, по счастью не дойдя до адресата, возвращается, и автор его уничтожает. А потом пишет в Петербург брату Льву, что не хочет «выносить сору из Михайловской избы». Вскоре в столицу отбывают и Сергей Львович с Надеждой Осиповной. Отец официально отказывается от наблюдения за сыном.

А тот уже подумывал о бегстве за границу, о чем говорил П. А. Осиповой. Она обращается к Жуковскому, который и сам озабочен произошедшим. Увещевая Пушкина, он делает резонную ставку на его творческий пыл и писательскую гордость. Жуковский пишет: «На все, что с тобою случилось и что ты сам на себя навлек, у меня один ответ: ПОЭЗИЯ. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богат, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженного несчастья и *обратить в добро* заслуженное...». И далее: «По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнасе. И какое место, если с *высокостью* гения соединишь и *высокость* цели!».

Непрерывно подвигает Пушкина к новым свершениям и Вяземский. Когда тот был еще в Одессе, он настойчиво требовал от друга поэтического отклика на кончину Байрона. Дождался. В Михайловском закончено стихотворение «К морю», где английский поэт получает афористическую характеристику «властитель наших дум». Вяземский откликается: «Твое „Море“ прелестно! Я затвердил его наизусть тотчас...».

Посылая другу стихотворное «поминаньице за упокой души раба божия Байрона», Пушкин сообщал и о завершении им большого произведения. Причем в тоне весьма раскованном: «...Кончил я поэму „Цыгане“. Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела, только что кончил и не успел обмыть запевшие <....>».

Вяземский ждет «Цыган», просит: «Давай мне всё печатать». Рассуждает как деловитый литературный агент, акцентирует материальный стимул: «И тебе не худо хлопотать о грошах или о денежках на черный день...». Перечислив все написанное Пушкиным, подытоживает: «Вот тебе и славная оброчная деревня! А меня наряди своим бурмистром!».

«Евгений Онегин», однако, уже передан через брата Петру Плетневу, а все элегии собрать пока трудно: тетрадь стихов, как известно, проиграна четыре года назад в карты Никите Всеволожскому. Выкупив ее при посредничестве того же Льва, Пушкин получит рукопись в марте 1825 года.

Так или иначе, участие друзей помогает Пушкину существовать в столичной литературной жизни, не чувствовать холода одиночества. А дружеское общение он всегда находит в Тригорском. С юной Евпраксией Вульф, как с гордостью сообщает Пушкин в письме к брату, он «мерялся

поясом», и их талии оказываются одинаковыми. Про старшую сестру там же: «...с Анеткою бранюсь; надоела!». (Заметим, что такие небрежные суждения о дамах — шутливая игровая условность, принятая в дружеской переписке. Это относится и к более раскованным выражениям, ставшим легендарными. Не стоит их понимать слишком буквально.)

С Алексеем Вульфом Пушкин обсуждает новый план побега за границу: через Дерпт, под видом слуги Алексея. В письме к брату есть список вещей, которые он просит ему доставить. Помимо сотерна и шампанского, лимбургского сыра и табака, там упоминаются чемодан, походная чернильница, дорожная лампа...

И примерно в то же время он пишет: «Мне дьявольски не нравятся петербургские толки о моем побеге. Зачем мне бежать? здесь так хорошо!».

Таков поэт. Его влечет большой и неведомый мир. И такой же мир он непрерывно открывает в себе самом.

IV

Лицейский друг Иван Пущин собрался навестить Пушкина. Шаг смелый. Александр Тургенев не советует ехать: поэт под двойным надзором — полицейским и духовным. Дядя Василий Львович тоже испугался, услышав от Пущина о его намерении, но потом прослезился и просил расцеловать племянника.

И вот Пущин со слугою Алексеем (который наизусть знает творения Пушкина!) и с тремя бутылками клико въезжает в заснеженный, нерасчищенный двор усадьбы. Хозяин — на крыльце босиком, в одной рубашке. Объяты, поцелуи.

Взаимные расспросы. Пушкина занимает, что говорят о нем в столицах. Верно ли, что император испугался, увидев фамилию Пушкина в списках приехавших в Петербург, и успокоился, узнав, что это всего лишь его брат?

Пущин честно отвечает другу, что тот «напрасно мечтает о политическом своем значении». Главное, что стихи «приобрели народность по всей России», а друзья ждут его возвращения из изгнания. О своем участии в тайном обществе Пущин говорит сдержанно. Пушкин, возбудившись было, скоро успокаивается: «Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь».

В няниной комнате собрались швеи. Одна из них явно отличается от прочих. Друзья обмениваются понимающими взглядами, без слов. То Ольга, восемнадцатилетняя дочь Михаила Калашникова, крепостного в статусе управляющего господским имением. Девушка красивая.

После обеда Пушкин с удовольствием читает вслух привезенный ему в

подарок рукописный текст грибоедовского «Горя от ума». Азартно комментирует. Тут некстати заявляется настоятель монастыря Иона, которому уже донесли о госте. Завидев священнослужителя в окне, Пушкин успевает на всякий случай раскрыть лежащую на столе книгу Четьи-Минеи — жития святых для ежедневного чтения. Пущин неприятно удивлен такой пугливости друга. Тот же приказывает подать к чаю рома — к вящему удовольствию монаха, а потом, по уходе незваного гостя, возвращается к «Горю от ума». После чего читает свое. Надиктовывает Пущину начало поэмы «Цыганы» для рылеевского альманаха «Полярная звезда».

Хлопнула третья пробка. Пущин в санях, Пушкин на крыльце со свечой в руке: «Прощай, друг!».

В Москве тем временем энергичный литератор Николай Полевой начинает издавать журнал «Московский телеграф». В первом номере Пушкин представлен недурно: в обзрении литературы за прошлый год «Бахчисарайский фонтант» назван «жемчужиной», «Черная шаль» — народной песней. Плюс опубликовано полученное через Вяземского пушкинское стихотворение «Телега жизни», где сам автор попросил пропустить «русский титул» во второй строфе:

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: валяй, <.....>!

В журнальном тексте: «Кричим: «валяй по всем, по трем!». Потом Пушкин слегка переделает: «Кричим: пошел!....», и многие поколения читателей будут угадывать, что рифмуется с глаголом «сломать».

О Пушкине говорят, пишут, спорят. Он — реальный участник литературного процесса. От суеты свободен, а уединение, простор для творческих дум имеется. В Михайловском он получил то, что Лев Толстой обретет потом в Ясной Поляне. Но — дьявольская разница — выехать отсюда он не волен, да и посетители не слишком донимают. Вслед за отважным Пущиным в апреле в Михайловское явится Антон Дельвиг, вместе с Пушкиным съездит в Тригорское. Прочие опасаются — включая брата Льва. Он с успехом играет роль поэта Пушкина в Петербурге: читает публично «Цыган», другие произведения. Старший брат только строго ему наказывает не давать читать никому вещи, еще неопубликованные.

С посвящением Льву Сергеевичу Пушкину выходит 16 февраля в свет первая глава «Евгения Онегина». Маленькая книжечка стоит 5 рублей, тираж ее 2400 экземпляров. Авторский гонорар — три тысячи рублей (за

600 строк текста). Между предисловием и самой главой помещено новое стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом», где автор отстаивает свое право быть литератором-профессионалом. Легендарными станут строки, вложенные поэтом в уста книгопродавца:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Предисловие, написанное как бы от имени «издателя» (мистификация, конечно), начинается словами: «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено».

Почему? Автор достаточно молод, чтобы довести до конца самое пространное сочинение. Потому, может быть, что это произведение пишется в необычном жанре. Роман-жизнь. У такого «стихотворения» не должно быть конца.

Деньги. Приходится все время о них думать. Пушкин постоянно печется о своем авторском праве, заботится, чтобы его не обокрали. В прошлом году Ольдекоп, издатель немецкой газеты в Петербурге, тиснул, не спросив автора, немецкий перевод «Кавказского пленника» вместе с оригиналом. Это отсрочило переиздание поэмы, Пушкин исчисляет убыток в три тысячи. То и дело поминает этого Ольдекопа, нелестным образом рифмуя его фамилию.

И на волю тянет. Он берется за письмо на высочайшее имя, но не отправляет его. По его просьбе к царю обращается мать. Ссылаясь на болезнь сына, просит разрешить ему выехать в Ригу. Ответ: пусть лечит свой аневризм во Пскове. Нет, уж лучше в Михайловском остаться. Номер с аневризмом не проходит.

V

В середине июня в доме Осиповой Пушкин встречается с ее племянницей Анной Петровной Керн. Знаком он с ней уже шесть лет: впервые встретились в Петербурге у Олениных. Анне Петровне двадцать пять лет, она замужем за шестидесятилетним генералом. Пока муж был по службе в Риге, она в Полтавской губернии сошлась с соседом по поместью ее родителей Аркадием Родзянко, пушкинским приятелем. Вместе они написали Пушкину шуточное послание, и он отвечает стихами, где весьма фамильярно проходится насчет двусмысленности поведения «умных жен» и их «домашних друзей».

Пушкин, как потом вспомнит Керн, «неровен в обращении» и не склонен к сердечному сближению. Но когда Прасковья Александровна затевает поездку в Михайловское и Пушкин с Анной Петровной оказываются в одном экипаже, он вдруг делается веселым и любезным. Во

время прогулки по саду вспоминает давнюю встречу у Олениных, когда его собеседница была совсем невинной девочкой и носила что-то вроде крестика. Мгновенная вспышка...

На следующий день Анне Петровне предстоит вместе с ее кузиной Анной Николаевной ехать в Ригу. Пушкин приносит ей в подарок неразрезанный экземпляр первой главы «Евгения Онегина» со сложенным вчетверо листком почтовой бумаги. На нем — текст, которому предстоит стать русским любовным стихотворением номер один:

Я помню чудное мгновенье...

Женщина попытается спрятать стихи в шкатулку, автор вдруг выхватывает их у нее из рук и отдает, лишь уступив уговорам.

Чудное мгновенье — в прошлом. Дальше — уже любовная игра. Пушкин пишет в Ригу Анне Вульф, упоминая ее кузину: «Камень, о который она споткнулась, лежит на моем столе подле увядшего гелиотропа». Анна Петровна много лет спустя уточнит в своих мемуарах, что камня не было, а запнулась она за переплетенные корни деревьев.

Потом в Ригу шлются письма самой Анне Петровне — французские, с вольными двусмысленностями и куртуазными любезностями. Притворно ревнует к мужу и в шутку предлагает бежать от того в Михайловское. Когда же в начале октября Керны появляются в Тригорском и Пушкин знакомится с пожилым Ермолаем Федоровичем, он вполне ладит с ним.

Заглянем в будущее. Меньше чем через два года Пушкин и Анна Петровна будут снова встречаться — уже в Петербурге. А в феврале 1828 года Пушкин в письме Сергею Соболевскому напишет фразу, которая в XX веке сделается легендарной. Ее будут цитировать письменно и устно, удивляясь, как это поэт смог сказать такое про адресат стихотворения о «чудном мгновенье»! Злополучная фраза такова: «Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о M-me Kern, которую с помощью Божией я на днях у<..>».

Меж тем удивляться особенно нечему. Анна Петровна ведет весьма раскованный образ жизни. Среди отмеченных ее благосклонностью — Алексей Вульф (в письме к нему в мае 1826 года Пушкин осведомляется: «...что делает Вавилонская блудница Анна Петровна?»), и не он один. Не будучи одержим любовью, Пушкин, однако, испытывает ревность: это чувство может питаться и уязвленным самолюбием. И вот запоздалая мужская победа, которая не доставляет радости, но дает возможность бравировать ею в развязной приятельской переписке.

Стихотворение, начинающееся строкой «Я помню чудное мгновенье...», появится в альманахе «Северные цветы на 1827 год» под

названием «К***» и будет так именоваться впредь.

Анна Керн — женщина незаурядная, но она, как и многие другие, — биографический повод. Человек-мир в своих любовных стихах ведет разговор с единой Женщиной-Жизнью, которая является перед ним в самых разных ликах. Она целомудренна и порочна, наивна и умна, доверчива и вероломна. Пушкин умеет насладиться всеми вкусовыми оттенками этого спектра.

Но пушкинистам XX века почему-то захочется представить своего героя однолюбом. В книгах и статьях начнутся поиски некоей «утаенной» любви, которую поэт пронес через всю жизнь. Начнется это с «вдохновительницы» поэмы «Бахчисарайский фонтан», продолжится как расшифровка «Донжуанского списка», где по-разному могут быть поняты такие записи, как «Анна», «Мария» и тем более «N. N.». Претендентками на исключительную роль в сердечной жизни поэта будут объявлены и юная Мария Раевская, и ее старшая сестра Екатерина, и Наталья Кочубей (в замужестве Строганова), и Елизавета Воронцова, и Каролина Собаньская. Юрий Тынянов в статье «Безыменная любовь» отстаивает гипотезу, согласно которой с лицейских лет и до последних дней Пушкин пронес страстное чувство к Екатерине Андреевне Карамзиной. Вероятно, если бы Тынянову довелось закончить роман «Пушкин», там эта мысль могла бы обрести убедительное художественное воплощение. Однако с однозначной научной точностью «назначить» кого-либо женщиной номер один в судьбе Пушкина (во всяком случае, до женитьбы) едва ли возможно. Любовь как таковая не поддается строгому определению и описанию, к тому же человек (особенно творческий) может испытывать одновременно несколько любовных переживаний, подолгу хранить в душе интимные воспоминания. Поиски единственной «утаенной любви» — явное упрощение, не приближающее нас к внутреннему миру великого человека и немного дающее для понимания его творений.

Что же касается Анны Петровны Керн, то ее отношения с Пушкиным после взаимной вспышки страсти приобретают ровный дружеский характер. Поэт впишет ей в альбом несколько шуточных мадригалов. Станет заходить к ней в гости по пути к родителям, обитающим в дугообразном доме на Фонтанке у Семеновского моста. Порой они будут встречаться за столом у Надежды Осиповны, о чем в воспоминаниях Анны Керн будет зафиксирована трогательная подробность: мать «заманивала его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник».

А тогда, в июле 1825 года, Пушкин узнает, что доктор хирургии, профессор Дерптского университета Мойер собирается по просьбе

Жуковского приехать в Псков, чтобы оперировать пресловутый аневризм и «спасти первого для России поэта». Приходится больному учтиво отказаться от благодеяния.

VI

Пушкин пишет «Бориса Годунова» и любит апельсины. На ярмарке в Пскове его видят в красной рубашке и таких же штанах. В обеих руках держит по апельсину. Так сдавливают их, что сок течет по одежде, и тамошний капитан-исправник делает ему замечание: мол, неприлично благородному лицу так себя вести. Пушкин смеется.

Тем же летом к соседу Пещурову приезжает в их село Лямоново племянник Александр Горчаков. Узнав, что лицейский товарищ неподалеку, туда устремляется Пушкин. Преуспевающий дипломат Горчаков кажется каким-то высохшим. Пушкин читает ему сцену из «Годунова», а тот критикует простонародную грубость выражений. Холодное прощание.

Простота выражения — это пушкинский конек. И на нем он далеко ускакал. Где-то позади остались и «Кавказский пленник», и «Цыганы», по которым сейчас судят о Пушкине. А он сам садится в седло и сочиняет во время прогулки верхом сцену разговора Самозванца с Мариной Мнишек у фонтана. По возвращении домой спешно записывает, но недоволен: что-то пропало.

Пройдет столетие, и Пушкина станут называть создателем русского литературного языка. Эта красивая гипербола, понятая буквально, превращается в научный миф. Создать новый национальный язык в одиночку не может даже гений. Точнее будет сказать, что Пушкин, уловив внутреннее движение русского языка, придал ускорение этому естественному процессу. Он творит в соавторстве с языком, достигая гармоничного баланса высокого и «низкого» стилей, поэтической и разговорной стихий, исконно русской и иноязычной лексики. Использование простонародных и бранных слов для Пушкина не самоцель, а определенный эстетический расчет. Вяземский потом вспомнит, что Пушкин «в речи своей мало простонародничал». Письма — дело другое, это своеобразный полигон для творческих экспериментов с экстремальной лексикой.

7 ноября «Борис Годунов» готов. В развеселом письме к Вяземскому автор извещает: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын! Юродивый мой малый презабавный; на Марину у тебя встанет — ибо она полька, и собою преизрядна...».

Подурочившись, Пушкин тут же всерьез призадумывается о будущем

своего творения. И тревожится: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!».

Вспомним: юродивый у Пушкина жалуется царю Борису на уличных ребятишек: «Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича». Не увидит ли император здесь намек на то, что он в 1801 году не помешал заговорщикам задушить своего отца Павла I?

Но не успевает царь прочитать это сочинение. 19 ноября он скоропостижно умирает в Таганроге. Эта новость нескоро добирается до Псковщины. В Новоржеве солдат, приехавший из Петербурга, рассказывает о кончине императора Александра. Пушкин посылает кучера Петра — проверить.

Что-то важное сейчас произойдет в Петербурге. Ехать туда?

Пушкин оформляет себе «билет» на имя Алексея Хохлова, крепостного Прасковьи Осиповой, и с садовником Архипом Курочкиным 1 или 2 декабря отправляется из Михайловского в сторону Петербурга. Но вскоре велит повернуть назад. Потом сошлется на дурную примету: дескать, заяц дорогу перебежал.

Зайцу этому — реальному или «виртуальному» — суждено будет войти в историю культуры как спасителю великого поэта. Мол, не останови он Пушкина — тот бы угодил в самое пекло истории, приняв участие в восстании декабристов. В общем, это резонно и подтверждается словами самого поэта о том, что он делал бы 14 декабря, находясь в столице.

Однако о предстоящих потрясениях никому еще не ведомо. Пушкин полагает, что престол по законному праву унаследует Константин Павлович: «Радуюсь восшествию на престол Константина I» (из письма П. А. Катенину). К нему можно обратиться с просьбой о снятии опалы, о разрешении жить в Петербург, а то и о поездке за границу. Но все-таки, наверное, уместнее действовать через друзей. К ним Пушкин и взывает в письме к Петру Плетневу в начале декабря после импульсивного порыва ехать в столицу: «Милый, дело не до стихов — слушай оба уха: Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно, они вспомнят обо мне... Если брать, так брать — не то, что и совести марасть — ради бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге; черт ли в них? *а просить или о въезде в столицу, или о чужих краях*».

14 декабря Пушкин заканчивает написанную «в два утра» небольшую поэму «Граф Нулин». Вызывающе простая фабула. Приехавший из-за границы граф, поклонник всего иностранного и довольно пустой человек

(фамилия ему дана «говорящая»), случайно попадает в дом провинциальной барыни Натальи Петровны. Она с ним кокетничает, и он по недоумию отправляется к ней ночью в спальню. Получает пощечину и со стыдом ретируется. Утром возвращается с охоты муж хозяйки. Граф срочно уезжает, отказавшись от обеда. За столом Наталья Петровна рассказывает о ночном инциденте мужу. Тот возмущен. И тут появляется припасенный для финала новый персонаж — Лидин, «их сосед, помещик двадцати трех лет». Почему он смеется — читатель должен уразуметь сам.

Еще, по замыслу Пушкина, читатель должен уловить здесь намек на поэму Шекспира «Лукреция». О ночном приключении Нулина говорится: «К Лукреции Тарквиний новый / Отправился, на все готовый». Лукреция — жена римского патриция, изнасилованная царским сыном Тарквинием и покончившая после этого с собой. После этого события в Риме начинается бунт, который приводит к свержению власти и установлению республики.

Тонкая «интертекстуальная» игра, однако, сразу понята не будет, и автору придется в 1830 году в «Заметке о „Графе Нулине”» разъяснить — уже не современникам, а потомкам — свое намерение «пародировать историю и Шекспира». «Заметка», впервые опубликованная лишь в 1855 году, заканчивается словами: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. „Граф Нулин” писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения».

То есть эту веселую поэму с историческим подтекстом автор завершает как раз в тот момент, когда после воцарения Николая II восставшие полки вышли на Сенатскую площадь.

Пушкин узнает об этом через три или четыре дня, находясь в Тригорском, от приехавшего из Петербурга повара Осиповой — Арсения. Пока он дописывает четвертую главу «Евгения Онегина», читает «Бориса Годунова» Алексею Вульффу («Ко мне забредшего соседа, / Поймав нежданно за полу, / Душу трагедией в углу»).

В Петербурге 30 декабря поступает в продажу книга «Стихотворения Александра Пушкина». Пушкин благодарит Плетнева за ее издание и жалуется на молчание друзей: «Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую».

Нерчинск — город в Забайкалье, где вскоре окажутся многие декабристы. Их судьба вызывает у Пушкина искреннюю тревогу — и в то же время он излагает здесь ту версию своих отношений с декабристами, которую надлежит транслировать наверх: «...Не может ли Жуковский

узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я 6 лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге — а?».

Ту же версию — о ссылке за «неверие» — Пушкин разрабатывает и в письме к Жуковскому. Пушкин не уверен, что его не прочитают «третьи лица», по отношению к которым он выдерживает здесь дипломатичный тон: «Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел, но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто ж, кроме полиции и правительства, не знал о нем? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности».

Самому же Жуковскому он дает честный отчет: о том, что в Кишиневе бы дружен с В. Ф. Раевским, Пуциным и Орловым, что был масоном в кишиневской ложе, что находился в связи с большей частью заговорщиков. Такая откровенность бывает в разговоре подсудимого с адвокатом. В качестве еще одного адвоката Пушкин надеется привлечь Карамзина: «Прежде, чем сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся с ним. Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?».

Неизвестно еще Пушкину, что Карамзин тяжело болен — после того, как простудился 14 декабря, придя на Сенатскую площадь. 22 мая Карамзин уйдет из жизни, о чем Пушкин с изрядным опозданием узнает из письма Вяземского. «Карамзин принадлежит истории», — напишет Пушкин в ответ, а впоследствии издание «Бориса Годунова» будет открываться так: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин».

VII

В конце апреля или начале мая Пушкин пишет близкому другу: «Милый мой Вяземский, ты молчишь, и я молчу; и хорошо делаем — потолкуем когда-нибудь на досуге. Покамест дело не о том. Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи).

Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского о *none*; но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах.

При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню — хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей-богу... но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел, болен ли ты или нет; мы все больны — кто чем. Отвечай же подробно».

1 июля у Ольги Калашниковой рождается сын Павел. Прожить ему суждено лишь два с половиной месяца...

А с 19 по 24 июля вокруг да около Михайловского приехавший из столицы коллежский советник Бошняк под видом «путешествующего ботаника» собирает информацию о ссыльном. На руках у него «открытое предписание», карт-бланш, куда надо только вписать имя «одного чиновника, в Псковской губернии находящегося». Однако, не найдя ничего компрометирующего Пушкина, Бошняк «к арестованию» не приступает и возвращается восвояси.

В конце июля Пушкин узнает о том, что в Италии умерла Амалия Ризнич. Пишет стихи о любви, которая давно прошла:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,

И равнодушно ей внимал я.

(«Под небом голубым страны своей родной...»)

Под стихами, названными поначалу «29 июля 1826», в рукописи две пометки. Одна — о смерти Ризнич, другая: «у о с. Р. П. М. К. Б.: 24». Это означает: «услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 июля».

Пятеро декабристских вожаков были повешены в кронверке Петропавловской крепости ранним утром 13 июля. Приговор жестокий, ведь в России смертной казни не было со времен Елизаветы Петровны. В порядке монаршей «милости» четвертование заменено повешением.

Пушкин долго будет пребывать под впечатлением от этого события. Рисунки с виселицей и телами казненных не раз появятся на страницах его рукописей. Он думает и о друзьях, сосланных в Сибирь. Напишет Вяземскому: «Еще и таки я все надеюсь на коронацию; повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

Коронация состоится 22 августа. Чаемой амнистии декабристам не последует.

VIII

Меж тем у царя доходят руки до опального поэта, до прошения, поданного его матерью. «Пушкину прибыть прямо ко мне», — таково высочайшее распоряжение.

3 сентября Пушкин еще гуляет в Тригорском, возвращается домой поздно вечером. А ночью в Михайловском появляется фельдъегерь. Времени на сборы Пушкину почти не дают. Он берет с собою пистолеты, спешно сжигает некоторые рукописи, в том числе тетрадь с автобиографическими записками.

Около 5 часов утра 4 сентября коляска отправляется в Москву. Что ждет Пушкина? За два года им столько написано, прочитано, продумано. Он полон мыслей и энергии. Творец собственного поэтического царства, он не страшится встречи с царем. Предстоящее скорее вызывает азарт. Что бы ни произошло — игра предстоит крупная.

8 сентября. Москва. Кремлевская канцелярия, а потом Чудов монастырь, где обитает Николай Павлович. «Император принял меня самым любезным образом», — напишет потом Пушкин П. А. Осиповой.

Действительно, в отличие от Александра I, не раз решавшего участь поэта, но при этом не удостаивавшего его беседы, новый царь целых два часа говорит с глазу на глаз с изгнанником, которому он отныне дает свободу передвижения. Одного этого достаточно, чтобы расположить к себе поэта, уже шесть лет лишенного возможности жить в столицах.

Пушкину задан прямой вопрос: что бы он делал, если бы 14 декабря был в Петербурге? Он откровенно отвечает: «Неизбежно, Государь, все друзья мои были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них» (так передаст много лет спустя пушкинские слова Анна Хомутова, слышавшая их 26 октября 1826 года на вечере в честь поэта в доме Марии Римской-Корсаковой).

Заходит речь о цензурных притеснениях, и Николай обещает оградить Пушкина от них. Он берется сам быть его цензором. Предложение неожиданное и необычное.

Пушкин в приподнятом настроении отправляется в гостиницу «Европа» на Тверской улице. А царь во время вечернего приема у французского посла говорит Дмитрию Блудову (некогда товарищу Пушкина по «Арзамасу», а теперь влиятельному сановнику), что разговаривал нынче «с умнейшим человеком России».

Кажется, что царь и поэт хорошо поняли друг друга. Может быть, между поэтом и царем возможно равноправное сотрудничество?

Теперь, почти два столетия спустя, мы располагаем множеством фактов и сюжетов на тему отношений художника и власти. И знаем, что в

русской истории это опыт исключительно негативный.

Но Пушкин пробует. Рискует.

И еще Пушкин наконец встречается со своей славой. В провинции он о ней только слышал и читал. А теперь въяе ощущает всю прелесть положения «живого классика».

Друзья старые и новые. Блестящий и остроумный Сергей Соболевский становится «путеводителем Пушкина по Москве», по выражению Ксенофонта Полевого. Через него отправляется вызов на дуэль Федору Толстому, которого Пушкин считает главным распространителем гнусной сплетни шестилетней давности — о том, что поэта якобы высекли в Тайной канцелярии. Соболевский, однако, улаживает конфликт. Через полгода с небольшим он предотвратит еще одну дуэль. Если бы он оказался рядом с Пушкиным и десять лет спустя...

Дома у Соболевского Пушкин читает «Бориса Годунова». Слушают и старые и новые знакомые. Чаадаев. Композитор-дилетант Михаил Виельгорский, сочинивший музыку к песне Земфиры. Двадцатилетний Иван Киреевский, будущий критик, а пока служащий архива Министерства иностранных дел. Его ровесник Дмитрий Веневитинов, дальний родственник Пушкина, талантливый поэт. Напечатал дельный разбор первой главы «Онегина» — лучшее пока, что написано на эту тему. Ему предстоит переезд в Петербург, а через полгода — безвременная кончина на двадцать втором году жизни.

Веневитинов — глава кружка «любомудров» (русская калька греческого слова «философ»). Еще любомудров с легкой руки Соболевского называют «архивными юношами» — по месту службы некоторых из них. Затевадается журнал «Московский вестник», издавать который будет писатель и историк Михаил Погодин. С ним Пушкин знакомится у Веневитинова. В этом доме, что в Кривоколенном переулке, где живут Дмитрий и его брат Алексей, 12 октября происходит пятое уже чтение автором «Бориса Годунова», самое историческое.

Присутствуют братья Иван и Петр Киреевские, братья Федор и Алексей Хомяковы, Степан Шевырев — цвет будущего славянофильства. Как скажет потом Шевырев, во время этого вдохновенного чтения Пушкин выглядит «красавцем». Помимо «Годунова» звучат «Песни о Стеньке Разине», впервые исполняется недавно сочиненный пролог к «Руслану и Людмиле»: «У Лукоморья дуб зеленый...». Всеобщий восторг, полный триумф.

Вскоре Алексей Хомяков собирает у себя на Петровке будущих сотрудников «Московского вестника». Среди гостей — Пушкин и польский

поэт Адам Мицкевич. Между лидерами двух славянских литератур сразу возникает близость, человеческая и творческая.

Создатели нового журнала рады участию в нем Пушкина. С ним заключается особый договор на 10 тысяч рублей в счет предстоящих публикаций (реально, как свидетельствует Шевырев, будет выплачена 1 тысяча, которая уйдет на оплату карточного долга).

Пушкину интересны «любомудры», молодые, образованные, полные вольнолюбивых мечтаний («ребята теплые, упрямые», — напишет он о них потом Дельвигу). Но их увлеченность немецкой философией, умственными абстракциями ему довольно чужда. Вспомним ту легкую иронию, с которой описан во второй главе «Онегина» Владимир Ленский, «с душою прямо геттингенской». Эта глава, кстати, как раз в октябре 1826 года выходит отдельным изданием.

Пушкин способен увлечься самыми разными идеями, но ни от одной он не попадает в зависимость. Воплощать философию в образах и сюжетах — это не для него. Пушкин творит свободно, а его произведения (по отдельности и в целом) потенциально *философичны*. То есть они многозначны и могут быть трактованы разными способами. Такое искусство, по большому счету, и сложнее, и выше «идейного». Недаром одним из самых преданных Пушкину писателей в XX веке стал Владимир Набоков, ни в грош не ставивший «литературу больших идей».

В «Московском вестнике» появятся пушкинские тексты: это и сцены из «Бориса Годунова», и отрывки из «Евгения Онегина», и программные стихотворения «Пророк» (под названием «Поэт»), «Поэт и толпа» (под названием «Чернь»), «Поэту» и многое другое. Но не удастся Пушкину внедрить в журнал близких ему поэтов: не приживутся там Баратынский и Языков. После смерти Веневитинова, отъезда за границу некоторых молодых и активных сотрудников журнал начинает хиреть. Читательского успеха нет. Тираж — 600 экземпляров, а потом и вполовину меньше. Пушкин отдаляется.

Куда более успешен «Московский телеграф», издаваемый Николаем Полевым, сделавшим ставку не на поэзию и прозу, а на критику, публицистику, материалы по науке и истории, экономике, торговле («бизнесу», как сказали бы сегодня). Журнал боевой, чуткий к духу времени. До некоторой степени здесь предвосхищен тот идейный вектор, который сто с лишним лет спустя обнаружится в шестидесятническом «Новом мире» Александра Твардовского. Плюс к тому богатый визуальный ряд: модные картинки, гравюры, портреты знаменитостей, рисунки мебели и экипажей.

Там на первых ролях Вяземский, через него Пушкин передавал свои стихи. Будут в этом журнале и статьи Пушкина. Еще из Михайловского в письме к Полевому он назвал «Московский телеграф» лучшим «из всех наших журналов». Но при личной встрече в Москве у Пушкина с Полевым сближения не происходит, несмотря на явный пиетет издателя по отношению к поэту. Младший брат издателя Ксенофонт Полевой видел возможную причину в аристократическом высокомерии Пушкина: Полевые по происхождению были купцами. Дело, по-видимому, обстоит сложнее. Для Николая Полевого ориентиром остается романтизм, а Пушкин уже живет чем-то другим.

Пушкин постепенно приближается к своему литературному одиночеству. И понимает его неизбежность: «Итак, никогда порядочные литераторы у нас вместе ничего не произведут! Все в одиночку», — сетует он в письме Вяземскому по приезду в Михайловское 9 ноября.

IX

В Михайловском он пишет заказанную Николаем I через Бенкендорфа записку «О народном воспитании». Скованный официальным «форматом», Пушкин тем не менее проводит здесь некоторые искренние идеи. Критикует домашнее воспитание, доказывает необходимость общественных учебных заведений. Предлагает отменить экзамены на чин, ставшие вследствие общей продажности «новой отраслью промышленности». Естественно, высказывается против телесных наказаний. Защищает заграничное образование и приводит как положительный пример учившегося в Геттингене Николая Тургенева — в то время, как того, находящегося в Англии, начали заочно судить за участие в декабристском движении.

Некоторые положения записки сохраняют актуальность и много лет спустя. Например, такое: «История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное?». В дальнейшем же советует изучать историю по Карамзину.

Царь через Бенкендорфа вежливо благодарит Пушкина, но не поддерживает идею «просвещения», предпочитая ей «нравственность». «Мне вымыли голову», — так резюмирует ситуацию сам Пушкин.

Николай I не очень понимает поэта, а поэт хочет понять царя.

Пушкин вернулся из ссылки зрелым человеком и художником. Он выстроил свой мир, который еще можно дополнять, расширять. Литературные рамки ему уже тесны, хочется мысленно сравнивать себя не

с коллегами по цеху, а с вершителями истории. Это не гордость, не амбиция, а тяготение к простору, к глобальному масштабу. У него уже есть опыт творческого перевоплощения и в царя Бориса, и в Самозванца.

Возможен ли диалог властелина с властелином? Властителя дум с властителем огромной страны?

«Он верит в знание друг о друге / Предельно крайних двух начал», — скажет через сто десять лет Борис Пастернак, когда так же будет пытаться разгадать тайну властной харизмы, проникнуть во внутренний мир тирана. Но Пастернаку-то хорошо известен пушкинский опыт, и он с горькой иронией перефразирует пушкинские «Стансы»: «Столетье с лишним — не вчера, *А сила прежняя в соблазне* В надежде славы и добра / Смотреть на вещи без боязни». После чего будет стараться уйти в тень, погрузиться в неизвестность. До поры это ему удастся.

Пушкин — первопроходец на роковой тропе. Его «Стансы» — не почтительная ода, а разговор с императором на равных. Сопоставление Николая с Петром I — это аванс, который нынешний правитель еще должен отработать:

Семейным сходством будь же горд;

Во всем будь пращуру подобен:

Как он, неутомим и тверд,

И памятью, как он, незлобен.

Последний стих — недвусмысленный совет проявить милосердие по отношению к декабристам.

Пушкин получил уникальную возможность быть прочитанным царем, и он этой возможностью пользуется, что называется, по максимуму. При всех тактических оговорках «Стансы» — стратегически честный и мудрый поступок. Независимо от результата. Когда через десять лет поэт станет подводить итог своего пути, он будет вправе написать: «И милость к падшим призывал».

Как достойно держаться писателю по отношению к власти и по отношению к оппозиции?

Вопрос, не имеющий однозначного теоретического решения. Бывают писатели верноподданные — это либо люди ограниченные, либо циничные приспособленцы. Бывают борцы и бунтари — некоторые ригористы считают, что все творческие люди обязаны быть таковыми. А возможна ли позиция «над схваткой», позиция разумного компромисса, когда единственная цель писателя — человечность, ослабление жестокости и смягчение политических нравов?

Эту «нишу» и стремится создать Пушкин, угодивший в политический

водоворот по воле судьбы. Одновременно со «Стансами» он адресует с сердечным приветом к Пушкину, ждущему отправки в пожизненную каторгу («Мой первый друг, мой друг бесценный!»), потом пишет легендарное послание декабристам «Во глубине сибирских руд...».

26 декабря Пушкин встречается в доме Зинаиды Волконской с уезжающей в Сибирь к мужу Марией Волконской (знакомой ему со времен, когда она была Марией Раевской). А 2 января 1827 года в Сибирь отправляется жена Никиты Муравьева — Александра. С ней Пушкин передает свое послание, говоря на прощание: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести». Сказано с аристократической широтой и великодушием, но не без боли сердечной. Муравьева расскажет потом, что, прощаясь, Пушкин так сжал ее руку, что она не могла после этого продолжить начатое ею письмо.

13 июля 1827 года исполняется год со дня казни пятерых декабристов. 16 июля Пушкин пишет стихотворение «Арион», где использует миф о певце, которого хотят во время путешествия по морю убить перевозчики, но он бросается в воду, и его спасает дельфин.

Миф у Пушкина радикально трансформирован: в его произведении певец находится среди единомышленников, среди равных («Нас было много на челне»), причем у него особая, творческая роль: «Пловцам я пел». Так Пушкин обозначает свою роль в истории декабризма, и его творческая версия не лишена оснований: действительно, в его крамольных стихах рядовые участники тайных обществ видели выражение собственных чаяний. Многие из них версифицировали на самодеятельном уровне и в Пушкине видели корифея вольнодумного стихотворного хора. Но отношения поэта с «кормщиками», то есть с лидерами декабризма, были не так просты.

Стоит прислушаться к позднейшему мнению Вяземского: «Рылеев и Александр Бестужев, вероятно, признавали себя такими же вкладчиками в сокровищницу будущей русской литературы, как и Пушкин...». То есть представление о том, что декабристы берегли Пушкина как исключительное дарование и будущую славу России, довольно упрощенно.

И смысл стихотворения «Арион» шире, чем манифестация верности декабристским идеям. Подобно тому, как шедевры пушкинской любовной лирики становятся независимыми от адресатов и биографических «поводов», так и это символическое стихотворение — свидетельство верности поэта своему высшему призванию:

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,

Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Художник-гений в своем развитии устремлен к сердцевине мироздания. На этом таинственном пути он не может полностью отождествить себя ни с оппозицией, ни с властью.

Х

Александр Пушкин — человек-мир. Он вбирает в себя все сущее, ни одна из жизненных сил и стихий ему не чужда. Ему интересны самые разные люди — и царь и бунтарь.

Александр Пушкин — первый русский писатель, выстраивающий универсальную картину бытия. И он не может пренебречь новым опытом, пусть самым горьким. Он открыт всем людям, но уже ни с кем не сойтись ему полностью и безоговорочно. Его цель как художника больше чем слава, она выше любого общественного статуса.

Император Николай — человек-частица, элемент властной системы. Он может по-актерски играть, примерять разные личины, но в целом поведение его фатально обусловлено довольно элементарной стратегией: сохранить власть во что бы то ни стало. Он не может себе позволить роскошь личного выбора (как это позволяли себе его пращур Петр I или его наследник Александр II).

«Николай I был карьеристом», — скажет потом Юрий Тынянов. Этот иронический парадокс содержит глубокую мысль. Всем правителям свойственна та или иная степень властолюбия, но оценивается их деятельность по тому, что у них имелось сверх этого. И тот, кто стремился только к сохранению власти, действительно может быть назван карьеристом.

Равенство между этими двумя людьми невозможно, даже условное. Дальнейшие отношения поэта с властью развиваются уже в форме бюрократически-полицейского контроля. Прямого контакта между Пушкиным и Николаем нет: все через Бенкендорфа.

Пушкину поставлено в вину несанкционированное чтение в Москве «Бориса Годунова». В ответ он шлет Бенкендорфу рукопись с первоначальным названием «Комедия о царе Борисе и Гришке Отрепьеве».

Текст передается на отзыв «эксперту» (по всей видимости, им выступил Фаддей Булгарин). Рецензия составлена довольно хитро. К политическому содержанию претензий как будто нет: «Дух целого сочинения монархический, ибо нигде не выведены мечты о свободе, как в других сочинениях сего автора...». Претензии эстетические, к

«литературному достоинству»: «Все — подражание, от первой сцены до последней. Прекрасных стихов и тирад весьма мало».

И кому же подражает Пушкин, по мнению строго судьи? «Кажется, это состав вырванных листов из романа Вальтера Скотта». Это довольно абсурдное утверждение приходится по вкусу августейшему цензору и покровителю поэта. Тем более что вникать в сам пушкинский текст, не очень к тому же аккуратно переписанный, ему недосуг. Он уже от своего имени повторяет рецензентскую пошлость и пишет карандашом на полях: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или в роман, наподобие Вальтера Скотта».

Нормальная практика для самодержцев — подхватить чужое словечко и с ним войти в историю культуры. Когда через сто лет Маяковский будет высочайше назван «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», — это тоже будет сделано с чужих слов, по чужой наводке.

Выход в свет «Бориса Годунова» будет отсрочен на четыре года. Любимое, заветное произведение, сочетающее философическую глубину с разговорной простотой языка, при жизни автора так и не будет оценено по достоинству.

XI

Царская опека не ограждает Пушкина от судебных преследований. В январе 1827 года его вызывают к московскому обер-полицмейстеру. Заведено дело об элегии «Андрей Шенье», написанной Пушкиным в Михайловском летом 1825 года. Андре Шенье — французский поэт, казненный якобинцами во время революции. Он привлек внимание Пушкина своей внутренней свободой, неприятием какой бы то ни было жестокости. Однако стихи сразу показались цензору подозрительными, и большой кусок при издании «Стихотворений Александра Пушкина» был оттуда изъят. Этот фрагмент стал распространяться в списках с заглавием «На 14 декабря».

Пушкину приходится письменно разъяснять, что, например, строки «Убийцу с палачами / Избрали мы в Цари» относятся к Робеспьеру и Конвенту. «Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабря», — пишет он в своих показаниях. Но сам-то в декабре писал Плетневу: «Я пророк, ей-богу, пророк!». Имея в виду не тронутые цензурой слова «Падешь, тиран!» и смерть Александра I.

Антитиранические стихи — это всегда потенциальная крамола: не в того царя попадут, так в другого.

Дело протянется до июня 1828 года, в итоге за Пушкиным будет

установлен секретный надзор. И тут же добавится скандал с «Гавриилиадой» — шуточной поэмой, написанной в Кишиневе весной 1821 года. Там дерзко обыграны и ветхозаветный сюжет грехопадения, и евангельский сюжет Благовещения. Сатана, архангел Гавриил и Святой Дух в образе голубя отдают должное прелестям Девы Марии, которая весьма прозаично подводит итог: «Досталась я в один и тот же день / Лукавому, Архангелу и Богу».

Написано в духе французской фривольной поэзии, не без влияния Эвариста Парни с его «Войной богов». Но в России к таким кощунственным проделкам относятся строже. «Гавриилиада» ходила в списках, один из которых оказался в руках отставного штабс-капитана Митькова. Его крепостные люди, желая за что-то отомстить барину, выкрадывают рукописную книгу, где среди прочих «сладострастных» сочинений была и пушкинская поэма. Пожаловаться на господина холопы могут только по церковной линии — вот эти люди из народа и пишут донос в духовную консисторию: дескать, Митьков читал им крамольную поэму, чтобы внушить «презрение к религии». На самом деле этого не было.

Митрополит Серафим дает жалобе дальнейший ход и в письме к статс-секретарю Муравьеву восхищается «благородными чувствованиями» доносчиков и проклинает поэта: «Поистине, сам Сатана диктовал Пушкину поэму сию!». И конечно, злит иерарха тот факт, что «Пушкина выдают нынешние модные писатели за отличного гения, за первоклассного стихотворца!».

Вызванный к петербургскому генерал-губернатору Голенищеву-Кутузову, Пушкин отрицает свое авторство. Отвечает, что видел и переписывал поэму, будучи лицеистом. Но в покое его не оставляют. Пушкин даже решает приписать авторство «Гавриилиады» покойному сатирику князю Дмитрию Горчакову и пишет Вяземскому: «...Я, вероятно, отвечу за чужие проказы» (чтобы Вяземский держался той же версии да и на случай, если письмо будет вскрыто).

В конце концов в дело вмешивается царь и велит петербургскому главнокомандующему графу Петру Толстому «призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем».

Толстой, сообщая это Пушкину, говорит о царском «благоснисхождении» и требует открыть истину. Пушкин долго молчит и раздумывает. Потом пишет царю письмо с признанием в своем авторстве и в запечатанном виде передает Толстому.

На этом дело прекращено. Автор «Гавриилиады» отныне с неохотой будет говорить об этом сочинении. Не только потому, что оно доставило ему столько тревог и опасений. Но еще и потому, что он далеко ушел от юношеской беззаботной шутливости. Его уже не тянет иронически говорить о любви и о семейной жизни так, как это сделано в последних строках злополучной поэмы:

...Даруй ты мне блаженное терпенье,
Молю тебя, пошли мне вновь и вновь
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь.

ХII

Пушкин повзрослел. Неожиданно для него самого его посещает стремление к женитьбе и созданию семьи. Осенью 1826 года он по приезде в Москву знакомится в доме Василия Зубкова на Малой Никитской с двадцатилетней Софьей Пушкиной, дальней своей родственницей. «Я вижу ее в ложе, в другой на бале, в третий раз сватаюсь», — так три года спустя сам Пушкин изложит эту историю. Сватовство не увенчалось успехом, Софья вскоре выйдет замуж за другого.

А в декабре того же года, приехав в Москву и остановившись у Соболевского в его доме на Собачьей площадке, Пушкин бывает на балах в Дворянском собрании. Там он знакомится с семнадцатилетней Екатериной Ушаковой. Наведывается в дом Ушаковых на Средней Пресне, пишет стихи в альбомы Екатерине и ее младшей сестре Елизавете. Будет и потом заглядывать сюда, приезжая в Москву.

В альбоме Елизаветы в 1829 году появится легендарный пушкинский «Донжуанский список» — шуточный и серьезный одновременно. Запись «Екатерина IV», по мнению некоторых пушкинистов, относится к старшей из сестер Ушаковых. Слухи о возможной женитьбе Пушкина на Екатерине до 1830 года циркулируют в разговорах и письмах друзей.

Можно, однако, предположить, что Пушкина привлекла скорее сама семейная атмосфера ушаковского дома. Два экспромта, адресованные Екатерине, пылкими чувствами не проникнуты. В сборник стихотворений 1829 года будет включено под названием «Е. Н. У***вой. В альбом» послание, адресованное Елизавете («Вы избалованы природой...», а Екатерине эта книга будет подарена с достаточно сдержанной надписью, завершающейся латинскими словами «Nec femina, nec puer» («ни женщина, ни мальчик»), взятыми из оды Горация.

Сергею Киселеву, который в 1830 году женится на Елизавете, Пушкин незадолго до того напишет: «Кланяйся неотъемлемым нашим Ушаковым».

Все это свидетельства скорее сердечной дружбы, чем страстной влюбленности. А Екатерина выйдет замуж уже после смерти Пушкина, по требованию жениха уничтожит альбомы с рисунками и стихами поэта, не сохранится и ее переписка с Пушкиным.

ХIII

Два увлечения переживает Пушкин в 1828 году. Эти истории развиваются, по сути, параллельно. За ними — две стороны пушкинской натуры и две грани женственности, его привлекающей. Первая — «Аграфена» из второй, «дополнительной» части «Донжуанского списка». Аграфена Федоровна Закревская, урожденная графиня Толстая — жена генерала, министра внутренних дел. Ровесница Пушкина. Светская львица, среди поклонников которой и Баратынский и Вяземский, сообщавший в письме к жене о том, что Пушкин «отбил» у него Закревскую. Вяземский прозвал ее «медной Венерой», а Пушкин 1 сентября пишет ему: «Если бы не твоя медная Венера, то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в свои сводники...».

Из этих слов следует, что отношения доверительны. Под «стихами» имеются в виду три энергичных восьмистишия («Портрет», «Наперсник», «Счастлив, кто избран своенравно...»). Любовная искушенность «медной Венеры» поражает «наперсника»: «Боюсь узнать, что знала ты!». Богатый любовный опыт раскованной женщины и художническое всезнание поэта вступают в своеобразный резонанс. «Портрет» завершается словами, которые станут крылатыми и будут цитатно применяться отнюдь не к женщинам «с большим прошлым», а к политическим смельчакам и дерзким новаторам в искусстве:

Как беззаконная комета

В кругу расчисленных светил.

А с девятнадцатилетней Анной Олениной Пушкин был знаком давно, еще в своей юности и ее младенчестве. Осенью или в начале зимы 1827 года он вновь встречается с ней. «Однажды на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин. Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью...», — так в «литературной» форме от третьего лица рассказывает в своем дневнике юная Оленина.

Пушкин начинает посещать дом Олениных. Отец Анны — важная персона: член Государственного совета и президент Академии художеств. Наведывается Пушкин и в Приютино — летнюю резиденцию Олениных под Петербургом. В мае Пушкин и Анна в дружеской компании едут морем

в Кронштадт. Прямо на пароходе слагаются два стихотворения. Одно из них обращено к попутчику по поездке художнику Джорджу Доу (тому самому, кто создал около трехсот портретов русских военачальников 1812 года для галереи Зимнего дворца). Доу делает набросок пушкинского портрета, а тот советует ему:

Рисуи Олениной черты
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Юность и красота — вот все, чем мог в данном случае увлечься Пушкин. Он готов поэтизировать любую мелочь. Как-то Анна по ошибке называет его на ты, и тут же рождается знаменитое впоследствии «Ты и вы». Ситуация обозначена афористически («Пустое *вы* сердечным *ты...*»), но довольно обобщенно.

Пушкин подумывает о сватовстве, примеряет к своей фамилии имя предполагаемой невесты: Annette Pouchkine. Эта запись в тетради потом тщательно зачеркивается. Что происходит дальше? На этот счет имеются три версии: а) Пушкин сватается, но родители Анны отвергают его как нежелательную для дочери партию; б) он делает устное предложение, а потом уходит в сторону; в) формального предложения со стороны Пушкина не было, а отношения истаяли сами собой. Последняя, наверное, ближе всего к истине.

В 1829 году Пушкин вписывает в альбом Олениной восьмистишие «Я вас любил, любовь еще, быть может...». Стихотворение, которое займет второе место по легендарности в пушкинской любовной лирике (после стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»). Эти стихи тоже предельно обобщенные: всякий читатель имеет возможность применить их к себе и своему собственному любовному опыту. По позднейшему свидетельству внучки Олениной, в 1833 году автор подписал под этим текстом в альбоме: «...pluqueparfait» («давнопрошедшее» — французский вариант наименования глагольного времени плюсквамперфект). Не хотелось ему вспоминать... Но так или иначе, в первой, главной половине «Донжуанского списка» имя Анна занимает предпоследнее место. После него следует уже окончательное: Наталья.

XIV

Еще летом 1827 года, приехав в Михайловское после дачи показаний по делу об «Андрее Шенье», Пушкин затевает большое прозаическое повествование об эпохе Петра I. Главное действующее лицо — пушкинский прадед Ганнибал. Его красавица жена родила ему белого

ребенка и за то была отправлена в монастырь. Это автор хочет использовать для романного сюжета. Интересный замысел останется незавершенным. Пушкин опубликует два отрывка из начатого исторического романа и отложит работу. После его смерти эта вещь получит название «Арап Петра Великого».

А в апреле следующего года Пушкин берется за поэму «Полтава» — об украинском гетмане Мазепе, о русской победе над шведами в Полтавской битве 1709 года. Откладывает ее и возвращается к работе хмурой петербургской осенью, в октябре. Пишет стремительно, не успевая порой переложить эпизоды стихами и делая прозаические конспекты будущих сцен.

Просыпается ночью, чтобы записать новые строфы. Едва успевает утолить голод в трактире — и снова за стол. К лицейской годовщине 19 октября «Полтава» уже в основном готова.

Написанная на едином эмоциональном порыве, поэма полна нешуточных драматических страстей. Любовь старого Мазепы и юной Марии (крылатыми станут слова, произнесенные героем: «В одну телегу впрячь неможно / Коня и трепетную лань»). Вражда Мазепы и Кочубея — отца Марии. Казнь Кочубея по приказу Мазепы. Безумие Марии... Но главное для автора все же не это, а динамичное описание Полтавского боя и величественная фигура российского императора:

Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.

Пушкин ищет поэзию в державной истории. В отличие от Рылеева, видевшего в Мазепе героя-цареборца, он считает амбициозный индивидуализм злом. Мазепа, мстящий Петру за давнюю обиду, оказывается и политическим изменником, и губителем любимой женщины.

Посвящение к поэме пишется в Малинниках — деревне в Тверской губернии, куда пригласила его Осипова. Здесь же завершается седьмая глава «Евгения Онегина», которая перекликается с «Полтавой» ненатужным патриотическим пафосом в описании Москвы, в строфе о Петровском замке, где «напрасно ждал Наполеон / Последним счастьем упоенный / Москвы коленопреклоненной»...

Пушкин-государственник. Несколько необычное амплуа для вольного поэта, для профессионального литератора, не состоящего на службе. Но без этой краски пушкинский мир был бы неполон, не был бы универсален. Так что поэт не изменяет здесь ни самому себе, ни искусству.

Политиком Пушкин не становится. Прежде всего потому, что хорошо понимает: его исторические думы, лелеемый им образ России все равно не впишутся в государственную конъюнктуру. В 1828 году он пишет стихотворение «Друзьям», где объясняется с единомышленниками-вольнодумцами по поводу своих «Стансов» и вообще отношений с властью:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Но при всех комплиментах царю, при всех попытках выдать желаемое за действительное («Тому, кого карает явно, / Он в тайне милости творит») завершает поэт свое послание довольно безрадостной констатацией:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Сказано вроде бы о некоей «другой» стране, но Николай I на всякий случай не дает стихам полной гласности: «Это можно распространять, но нельзя печатать» — таков его вердикт.

XV

В 1828 году Пушкин-эпик ищет, что называется, «позитив», базовые ценности, на которые можно опереться в жестокой жизни. А Пушкин-лирик погружается в глубокие сомнения. И в этом нет противоречия. Два творческих вектора дополняют друг друга.

Среди стихотворений этого года «Воспоминание» — психологически точное изображение самоанализа. Того, что потом станут называть нравственной рефлексией:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Эти строки станут как бы эпитафией к русскому психологическому роману. Лев Толстой, цитируя их в беседе, гиперболически заменит слово «печальных» на «позорных».

Еще «Анчар» — философская притча о том, что рабство и угнетение вечны, что они коренятся в самой природе вещей.

Еще «Чернь» (стихотворение, впоследствии названное автором «Поэт и толпа») — диалог с «читателями», которые требуют от художника

обслуживания их сиюминутных потребностей и неспособны понять высшую и таинственную цель творчества. Поэт в финале бросает решительный вызов плоскому пониманию задач искусства:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Строки эти будут цитировать и с сочувствием и с возмущением. Это эмоциональное преувеличение, поэтическая гипербола. Такая же, как слова «Глаголом жги сердца людей!» в финале «Пророка». Казалось бы, две диаметрально противоположные точки зрения. В «Пророке» утверждается, что искусство должно служить высшей нравственной цели, в «Черни» отстаивается принцип свободного вдохновения. По-своему верно и то и другое. Пушкин вживается в разные истины и находит для них точные и вечные слова. В этом высшая мудрость поэзии.

Особенная судьба будет у стихов, сложенных 26 мая 1828 года, — в день, когда автору исполнилось двадцать девять лет:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Здесь не простое житейское уныние, а глубокое философское сомнение, без которого невозможно духовное развитие личности. Настоящий художник переживает такое разочарование во всем всякий раз, когда переходит к решению новых творческих задач. Это стихотворение нельзя назвать мрачным: в нем есть внутренний свет. И конечно, музыкальность стиха несет в себе жизнеутверждающее начало. Гармония звуков преобразует смысл.

Стихотворение печатается в альманахе «Северные цветы на 1830 г.» (вышел в декабре 1829 года). Оно становится известным митрополиту Филарету — благодаря Елизавете Хитрово. Эта немолодая дама (между

прочим, дочь полководца Кутузова) с недавних пор приятельница Пушкина. Он к ней относится не без иронии, но преданность ее ценит. Хитрово взяла на себя роль посредницы между поэтом и священнослужителем, пылая, по словам Вяземского, «к одному христианскою, а к другому языческою любовью».

Митрополит воспринимает пушкинские стихи как кощунственное сомнение в высшей силе и отвечает на них поучением, облеченным в довольно кустарные стихи. Ответ этот выглядит с сегодняшней точки зрения довольно комично, поскольку в нем слишком много пушкинских слов, а от самого Филарета там главным образом речевые неуклюжести:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без правды Им же тайно
На печаль осуждена... и т. п.

Пушкин продолжит полемику новым стихотворением — «В часы забав иль праздной скуки...», которое опубликует 25 февраля 1830 года в «Литературной газете» (она недавно основана Дельвигом, Пушкин во время отъезда друга редактирует несколько номеров совместно с Орестом Сомовым). Не митрополиту отвечает он, а тому, кто гораздо выше. Тому, кто дарует человеку сомневающемуся и мучающемуся нечаянную радость, просветление, благодать:

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

«Дар напрасный, дар случайный...» и «В часы забав иль праздной скуки...» — своеобразная диалогия, части которой фиксируют два настроения, чередующиеся в жизни человека. Это и две фазы духовной жизни художника — от сомнения к истине, от отчаяния к надежде. «Арфа серафима», перекликающаяся с «шестикрылым серафимом» из «Пророка», — метафора высшего предназначения искусства. Эти стихи могут быть поняты и приняты самыми разными людьми — и верующими, и неверующими, и пребывающими в зыбком пространстве между верой и неверием.

«Дар» — так назовет Владимир Набоков свой роман, законченный в

1937 году и адресованный читателю, который мгновенно услышит в самом заглавии пушкинскую ноту и вспомнит стихотворение 1828 года. Роман светлый, утверждающий ценность жизни как таковой и неминуемость счастья для того, кто наделен еще и поэтическим даром.

XVI

«Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно».

Это из письма Пушкина Павлу Нащокину — конец марта 1834 года, вскоре после женитьбы друга. Сказано с учетом личного трехлетнего опыта. Школа несчастья досталась Пушкину противу его желания. За «лучший университет» ему пришлось изрядно побороться.

На тридцатом году жизни его стремление к гармоничной семейной жизни наконец совпадает со страстным увлечением. Шестого декабря 1828 года он приезжает в Москву и останавливается в гостинице «Север» в Глинищевском переулке. В том же месяце на общественном балу у танцмейстера Йогеля он знакомится с шестнадцатилетней Натальей Гончаровой. Девушка исключительно красива, ее манеры исполнены внутреннего достоинства. Ничего вульгарного.

Пушкину сразу ясно, что завоевать любовь «самой романтической красавицы нашего поколения» (как назовет ее потом друг Вяземский) будет нелегко. Мать девушки Наталья Ивановна — дама властная и капризная, отец Николай Афанасьевич некогда был человеком добропорядочным и образованным, но вот уже пятнадцать лет как пребывает в клиническом безумии. Семья большая и отнюдь не благополучная. Но для Пушкина истинное счастье — это сбывшееся желание, осуществленное намерение. Он не отступит.

XVII

Литературные войны уже утомляют Пушкина. Ему хочется покоя, а путь к мирной жизни — женитьба. Знакомый офицер Иван Лужин беседовал в Москве с матерью и дочерью Гончаровыми и слышал от них «благосклонное слово» о претенденте на руку Натальи Николаевны. Пушкин пользуется этим малым поводом и пишет Наталье Ивановне большое письмо, где не утаивает своих сомнений насчет благополучия чаемого брака, но все же стоит на своем. А 6 апреля, в Пасхальное воскресенье, отправляется на Большую Никитскую свататься. По дороге заезжает к Нащокину в Николопесковский переулок, чтобы тот одолжил ему фрак. «Нащокинский фрак» отныне станет его талисманом, поскольку

на этот раз дело увенчивается успехом.

Родители Пушкина в восторге. Надежда Осиповна обещает, что мадемуазель Гончарова будет ей так же дорога, как родные дети. Сергей Львович, отвечая письмом на известие от сына, впадает в высокий стиль: «Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день...». Пафос становится умереннее при переходе к материальным расчетам. В итоге отец передаст сыну «в вечное и потомственное владение» двести душ в сельце Кистеневе Нижегородской губернии.

Пушкин «очарован и огончарован» — острит брат Лев. Эту шутку подхватывают и дядя Василий Львович, и Екатерина Ушакова, все еще полагая насчет «нашего самодержавного поэта», что он «наверное, притворяется по привычке» (из ее письма к брату). На обеде у Ушаковых Пушкин ни словом не обмолвился о предстоящей женитьбе.

Вслед за родителями он оповещает о предстоящем событии верховную власть. Пишет Бенкендорфу 16 апреля 1830 года: «Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное положение и мое положение относительно правительства». Пушкин по сути просит о политической реабилитации, при этом отнюдь не желая превращаться в чиновника: «Мне не может подойти подчиненная должность, какую я только могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставила бы мне лишь бесцельные и бесполезные неприятности».

Такова позиция литератора-профессионала, отстаивающего свое право полностью посвятить жизнь главному делу. Для сравнения: Вяземский в то же самое время после долгого перерыва возвращается на госслужбу. Он становится чиновником по особым поручениям Министерства финансов, во главе которого стоит Е. Ф. Канкрин. «Я также со вчерашнего дня женился на Канкрине. Твоя невеста красивее», — невесело шутит он в письме к Пушкину. Тут же он советует: «Жуковский думает, что хорошо бы тебе воспользоваться этим обстоятельством, чтобы просить о разрешении печатать Бориса, представив, что ты не богат, невеста не богата, а напечатание трагедии обеспечит на несколько времени твое благосостояние. Может быть, царь и вздумает дать приданое невесте твоей».

Совет дельный, но запоздалый: Пушкин уже завершил свое письмо к Бенкендорфу именно просьбой об издании «Бориса Годунова». Причем он желает «напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным».

«Эстетические» придирки царя (или его «экспертов») он вежливо, но решительно отклоняет.

И добивается своего. 28 апреля получает от царя через Бенкендорфа снисходительное одобрение женитьбы вкупе с отеческими наставлениями, а главное — в самом конце одна фраза о трагедии: «Его императорское величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью».

6 мая — помолвка. Затем — хлопоты по имущественным делам. Переписка с Плетневым и Погодиным по поводу гонораров: друзья бьются за то, чтобы выжать для Пушкина максимум доходов от всех изданий, в том числе будущих. Родители невесты дать приданое не в состоянии. Правда, дед Натальи Афанасий Николаевич Гончаров, уже растративший изрядное состояние, сулит молодым триста душ и впридачу — бронзовую статую Екатерины II, которую можно продать на переплавку (Николай I даже даст на это разрешение, но до конца дело доведено не будет). Невеста и жених отправляются с визитом в имение деда невесты Полотняный Завод, что в Калужской губернии.

А 26 мая, в день рождения Пушкина, двое калужан — владелец книжного магазина Антипин и мещанин Абакумов — пешком приходят в Полотняный Завод (а это верст двадцать от города), чтобы выразить почтение поэту. Получают от него автограф — записку с благодарностью за лестное внимание почтенных соотечественников. Уносят как реликвию.

«Поэт, не дорожи любовью народной...» — так начнется знаменитый пушкинский сонет «Поэту», который он напишет буквально через месяц, в начале июля. Опять-таки это гипербола мысли, художественное ее заострение. Любовью реальных читателей, особенно из народа, поэт отнюдь не тяготится.

Пушкин проводит три недели в Петербурге. О его настроении свидетельствует, например, такая запись в дневнике австрийского посла Фикельмона: «...Он приезжал сюда на некоторое время, чтобы устроить дела, и теперь возвращается, чтобы жениться. Никогда еще он не был таким любезным, таким полным оживления и веселости в разговоре».

30 июля Пушкин пишет из Петербурга невесте: «Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей». Это о старинной копии с «Бриджуотерской мадонны» Рафаэля, выставленной на продажу в витрине книжной лавки на Невском проспекте.

К этому времени уже написано стихотворение «Картина (Сонет)», которое потом будет названо «Мадона», завершающееся строкой «Чистейшей прелести чистейшей образец». Оно для русской культуры станет знаковым: это своеобразная эмблема любовно-эстетического отношения поэта к его избраннице.

В Москву Пушкин приезжает вместе с Вяземским и останавливается в его доме. Навещает смертельно больного дядю Василия Львовича. Тот, увидев племянника и коллегу, вдруг оживает для профессионального разговора: «Как скучен Катенин!» — отзывается он о критических статьях известного поэта и критика, опубликованных в «Литературной газете».

Так прощаются два Пушкина. На следующий день Василий Львович угасает в возрасте 64 лет. Похороны оплачивает племянник.

Траур по дяде отдаляет свадьбу. И вообще над нею нависает угроза. Наталья Ивановна устраивает будущему зятю «нелепую сцену», как он о том пишет княгине Вере Вяземской, добавляя: «Ах, что за проклятая штука счастье!».

Пушкину надо ехать в Нижегородскую губернию, и на прощание он пишет невесте: «Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей — я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера...». И дальше, уже без сарказма, с отважной прямоотой: «Во всяком случае Вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только Вам, или никогда не женюсь».

С юга по Волге поднимается холера. Но Пушкина это не останавливает. Вяземский и Погодин провожают его. По дороге он видит, что Макарьевская ярмарка, проходившая в Нижнем Новгороде, уже разогнана страхом холеры. Возвращаться Пушкин считает малодушием — он едет, как потом напишет в своих записках, словно на поединок. 3 или 4 сентября прибывает в наследственное имение Болдино, само название которого впоследствии станет символом бурного вдохновения и фантастической литературной продуктивности.

XVIII

Небогатый одноэтажный дом с мезонином. Но тихо. Степь кругом. Соседей ни души. Можно вволю ездить верхом и писать. Настроение Пушкина противоречиво: то он рад тому, что убежал от жизни, то снова скучает по ней. Эта непрерывная смена намерений и создает необходимый ритм письма. У человека-мира два полюса: склонность к уединению и общительность. Напряжение между ними — источник творения. Той

осенью оно достигло максимума — в этом возможное объяснение болдинского прорыва.

7 сентября готово стихотворение «Бесы» — самое, быть может, тревожное из пушкинских произведений. Новый трагический символ потом даст имя пророческому роману Достоевского. «Закружились бесы разны...» — это отзовется и в русской поэзии XX века, особенно в блоковских «Двенадцати».

А уже на следующий день рождается «Элегия», исполненная мудрости и философского стоицизма. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» — в этом стихе поначалу было «мыслить и мечтать», но замена глагола укрупнила смысл, придала ему парадоксальную новизну. Необходимость страдания — это опять-таки предсказывает «достоевскую» этику. А финал трогательно прост:

И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

9 сентября с налету пишется повесть «Гробовщик», герой которой, Адриан Прохоров, переезжает с Басманной (неподалеку от которой родился автор) на Никитскую (где обитает его невеста). И тут же автор получает желанное послание: под текстом «Гробовщика» в тетради значится: «Письмо от Nat.». Письмо не сохранится, но главное его содержание станет известно из письма Пушкина к Плетневу того же дня: «Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого».

Теперь можно и пошутить: «Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать». И закончить письмо к другу весьма игриво: «Прости ж, моя милая».

Затем пишется «Сказка о попе и работнике его Балде». При жизни поэта опубликована не будет, да и потом, чтобы протащить ее в печать, Жуковский самочинно заменит «поп толоконный лоб» на «купец Кузьма Остолоп». Сатира на лиц духовного звания недопустима.

Далее — проза. «Станционный смотритель». Еще одна новая экологическая «ниша» русской прозы. С главного героя Самсона Вырина начнется литературная история «маленького человека». Хотя глубинный смысл повести все-таки в том, что маленьких людей не бывает. Так ее прочтет Достоевский и свою интерпретацию вложит в уста Макара Девушкина в «Бедных людях».

Рассказчик в новой пушкинской прозе не тождествен автору. «Я» здесь совсем не то, что в «Евгении Онегине». Для «Гробовщика» и «Станционного смотрителя» придумывается особенный фиктивный «соавтор». Поначалу он назван Петр Иванович, но вскоре станет Иваном

Петровичем и получит фамилию Белкин. 20 сентября к двум повестям добавится «Барышня-крестьянка», а до и после нее стремительно пишутся строфы «Евгения Онегина».

Онегин отправлен в путешествие (оно пока числится восьмой главой), затем пишется последняя, девятая. 25 сентября подведена черта под романом в стихах, подсчитано, что писался он «7 лет, 4 месяца, 17 дней».

Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Так начинается шестистрочное прощание автора с любимым произведением. Стих — стилизация в античном духе, сочетание гекзаметров с пентаметрами. В Болдине Пушкин читает «Илиаду», переведенную год назад Николаем Гнедичем. Эпопея Гомера — всемирный символ и эталон художественности. «Евгений Онегин» станет таковым для отечественной словесности. «Свой подвиг свершив» — в этих словах осознание поэтом масштаба завершённого труда. Много лет спустя и Лев Толстой скажет о «Войне и мире»: «Без ложной скромности это — как *ёИлиада*».

Главный творческий прием Пушкина — поэтический нарратив, соединение стихового ритма с повествованием. «Евгений Онегин» — самое пушкинское из всех произведений автора. Оно дает ключ ко всему, что написано до и после.

XIX

Начинается череда прощаний с женщинами, оставившими след в судьбе Пушкина. 4 октября дана «домовая отпускная» Ольге Калашниковой (получив вольную, она через год выйдет замуж за одного мелкопоместного дворянина). А на следующий день — окончательное расставание с EW (монограмма Елизаветы Воронцовой): «В последний раз твой образ милый / Дерзаю мысленно ласкать...».

Роман с этой женщиной продолжался и на расстоянии, оказался он длиною в семь лет — примерно как «Евгений Онегин». Страсть, соизмеримая с целой жизнью, — вот что такое у Пушкина подлинная любовь. Потому поэтическое прощание с женщиной-жизнью вбирает все, что было с автором и что еще может произойти:

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

А в конце ноября напишется последнее стихотворение, обращенное к

Амалии Ризнич, — «Для берегов отчизны дальней». Она умерла пять лет назад, и любовь, казалось, прошла бесповоротно: «Не нахожу ни слез, ни пени», — написано в 1826 году. Теперь же — мысль и чувство движутся от смерти — к будущему, к жизни вечной:

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

XX

Пушкину пишется как никогда — и в то же время не сидится ему в болдинской изоляции. 30 сентября он едет к княгине Голицыной (по всей видимости, Анне Сергеевне; есть и другие дамы с тем же именем и с тем же титулом), чье имение находится на большой дороге, чтобы разузнать у нее, сколько карантинных выставлено на пути к Москве. Поездка напрасная, да к тому же придется потом объясняться с невестой, ревниво воспринявшей весть о контактах жениха с посторонней княгиней.

Вторую отчаянную попытку он предпринимает в ноябре. Доезжает до уездного города Лукоянова, затем до первого поста, где его заворачивают назад. А тут еще слухи, что к Наталье Николаевне посватался ее давний обожатель по фамилии Давыдов.

Встревоженный Пушкин 18 ноября жалуется невесте: «Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, быть может, сообщит, что вы вышли замуж... <...> Прощайте, мой ангел, будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините мое скверное настроение». Писано по-французски, а «мой ангел» вставлено по-русски.

Куда влечет в это время Пушкина его свободный творческий ум?

В самые разные стороны. В начале октября — веселая поэма, которая потом получит имя «Домик в Коломне». Октава, изысканная восьмистрочная строфа итальянского происхождения, применена для изложения анекдотического сюжета: влюбленный в девушку Парашу кавалер наряжается в женское платье и под именем Мавруши нанимается к матери своей пассии в кухарки. В финале кухарку застают за бритьем. После чего следует явно пародийная «мораль» и дразнящее завершение: «Больше ничего / Не выжмешь из рассказа моего».

Потом — наоборот, предельно серьезный «Выстрел» с неразрешенной житейской дилеммой: надо ли отстаивать свою гордость до конца, как Сильвио, — или можно и поступиться ею, как это делает граф? В самом авторе живут оба эти характера. Свою литературную дуэль с Булгариным

он продолжает и в Болдине.

XXI

От романтично-ироничной «Метели» с ее эффектным хеппи-эндом автор совершает скачок к стихотворной пьесе «Скупой рыцарь». С нее начнется драматический цикл, куда войдут «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» (новая версия вечной темы Дон Жуана — у Пушкина этот персонаж транскрибируется как Дон Гуан), «Пир во время чумы». Представляя в письме к Плетневу из Москвы от 9 декабря свой грандиозный «творческий отчет» о работе в Болдине, Пушкин напишет: «Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий...». Впоследствии выражение «маленькие трагедии» станет неофициальным наименованием цикла, в XX веке под таким названием появятся театральные спектакли и кинофильмы.

«Сверх того, написал около 30 мелких стихотворений», — сообщается в том же послании. Среди этих «мелочей» — легендарные «Бесы» и «Элегия», а также «Дорожные жалобы», «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», «Герой», «В начале жизни школу помню я...». Примечательна широта лирического диапазона — от строгих стилизаций в античном духе («Труд», «Царскосельская статуя», «Рифма», «Отрок») — до субъективно-иррациональных ассоциаций в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы», предвосхищающих символистскую поэзию рубежа XIX и XX веков.

А еще в Болдине написаны важные тексты, которые можно отнести к литературной критике и эссеистике (хотя такого слова в ту пору не было).

«Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы». «Где нет любви к искусству, там нет и критики». «Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще».

«Правдоподобие все еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что, если докажут нам, что самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие?»

Все эти пушкинские афористические высказывания — из статей и заметок болдинской осени. Эти три месяца — и нечто из ряда вон выходящее, и наглядная модель всего пушкинского мира. Здесь всё есть, все темы, жанры, стили. Еще одна жизнь прожита между сватовством и женитьбой.

XXII

5 декабря, помаявшись на подступах к Москве в карантинах, приезжает Пушкин в привычную для него гостиницу «Англия» в

Глинищевском переулке.

Сразу погружается в поиски денег, просит Нащокина добыть взаймы 2 тысячи. Часто видится с невестой, выдерживает нападки озлобленной тещи. Наведывается в Остафьево к Вяземскому, тот находит, что друг его «в ударе».

Отпечатан наконец «Борис Годунов». Не обошлось без цензурных изъятий. Весь тираж закуплен Смирдиным и продается по 10 рублей (с доставкой — 11). В первый же день продано 400 экземпляров.

Новый 1831 год Пушкин встречает «с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной» (из письма Вяземскому). Речь о хоре Ильи Соколова и одной из его солисток. А начинается год с журнальных нападок на только что изданную трагедию. В «Северном Меркурии» Михаил Бестужев-Рюмин за подписью «Издатель» помещает ядовитую реплику, переходящую в «куплетец»:

И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел,
И стих его незвучен,
И гений охладел.
Бориса Годунова
Он выпустил в народ:
Убогая обнова,
Увы! на Новый год!..

Будут и другие наскоки. И не только профессиональные зоилы осуждают «Годунова». Многие читатели искренне не понимают этого произведения и в письмах друг к другу зло о нем отзываются. «„Борис Годунов” слаб», — пишет лицейский директор Энгельгардт. «Галиматья в шекспировском роде», — таков отзыв актера Василия Каратыгина. Михаил Погодин 20 января записывает в дневнике: «Все бранят „Годунова”».

Пушкин в «Борисе Годунове» опередил господствующие эстетические вкусы. И критики и читатели редко умеют оценить по достоинству художественную новизну. Особенно когда она предстает не в вычурных, а в непривычно простых и свободных формах. И ясный, естественный язык начинают обычно ценить с большим историческим опозданием.

Неожиданное одобрение получает Пушкин от одного придирчивого читателя. «Его величество Государь Император поручить мне изволил уведомить Вас, что сочинение Ваше: Борис Годунов, изволил читать с большим удовольствием», — сообщает Бенкендорф. Вот уж неожиданность.

Защищать «Бориса Годунова» в прессе берется Дельвиг. Он пишет

статью для «Литературной газеты», но внезапно заболевает «гнилой лихорадкой» и вечером 14 января умирает. Пушкин узнает об этом через четыре дня. «Вот первая смерть, мной оплаканная», — пишет он Плетневу. «...Постараемся быть живы», — такими словами заканчивается письмо.

Пушкин будет стараться — до конца.

XXIII

Он присматривает дом на Арбате, между церквями Николы в Плотниках и Святой Троицы. Через маклерскую контору нанимает там квартиру на втором этаже. Ссужает 11 тысяч будущей теще на приданое невесте и на свадебные расходы. Пришлось для этого заложить болдинское имение.

Дня за два до свадьбы на Пушкина накатывает грусть. В доме у Нащокина встречает он ту самую цыганку Таню, пение которой слушал под Новый год. Просит спеть «на счастье». Как-то невесело звучит Танин голос:

Кони разыгрались... А чьи то кони, чьи то кони?

Кони Александра Сергеевича...

Недоброе предчувствие эти кони навеяли. Пушкин плачет, схватившись за голову, потом, не прощаясь, уезжает.

17 февраля — мальчишник, или «холостой обед». В дом на Арбате приглашены самые близкие: Нащокин, Вяземский, Баратынский, Языков, Денис Давыдов, Иван Киреевский... Руководит застольем братец Лев. Опять Пушкин грустен. Вечером он отправляется к невесте.

И вот среда, 18-е. Теща опять капризничает: на карету нет денег или еще на что-то там. Зять опять раскошеливается. Венчание — в церкви Большого Вознесения (Гончаровы живут в ее приходе).

Не обходится без накладок. Проходя согласно обряду вокруг аналоя, молодые его задевают. Крест падает. Когда обмениваются кольцами, одно из них падает на пол. Дурные знаки...

Но свадебный обед в доме на Арбате проходит как надо. Туда заранее приезжают Нащокин с Вяземским, и десятилетний сын Вяземского Павел (ему три года назад Пушкин адресовал альбомный экспромт: «Душа моя Павел, держись моих правил...») исполняет роль «иконофора», встречая молодоженов с образом в руках. Гости любуются красотой новобрачной и радуются веселости супруга, который, увлекшись, говорит о русских былинах, о звучности народного языка.

«Я женат — и счастлив» — эти слова из письма Плетневу от 24 февраля вполне искренни. Он отдал достаточную дань донжуанству, романтике приятельских пирушек и оргий, культу мужского одиночества.

Летом 1826 года он еще писал Вяземскому в нарочито фривольном духе: «Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная п<...>а — род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу». Но вспомним, что едва Пушкин получил свободу, как тут же кинулся свататься к почти незнакомой однофамилице. Почувствовал, как «холостит душу» холостяцкая неприкаянность.

«Благое супружество» — новый для Пушкина опыт. И эмоциональный и чувственный. Как художник он умеет ценить новизну и пользоваться ею.

Проведя три месяца в Первопрестольной, молодые супруги отправляются в Царское Село, где Плетнев уже нанял им на лето дачный дом.

По пути останавливаются в гостинице Демута на набережной Мойки. (Забегая вперед, отметим, что, поменяв несколько адресов, Пушкины поселятся совсем рядом на той же Мойке.) Успевают за неделю встретиться со многими. Давние пушкинские друзья и знакомые благосклонно принимают Наталью Николаевну. Ее красоту хвалят и Элиза Хитрово, и дочь ее Дарья Фикельмон, и Екатерина Андреевна Карамзина, и ее падчерица Софья. Дамы находят, что женитьба пошла Пушкину на пользу. Долли Фикельмон, впрочем, ощущает некоторую тревогу: «Жена его прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение лица похоже на предчувствие несчастья. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем...», — пишет она Вяземскому.

20 мая Пушкин посещает Плетнева. Тот представляет ему молодого писателя Николая Гоголя, произведений которого Пушкин пока не читал.

XXIV

У Жуковского с Пушкиным летом 1831 года две общие литературные затеи. Одна — соревнование в сказочном жанре. Жуковский сочиняет «Сказку о царе Берендее» и «Спящую царевну», Пушкин — «Сказку о царе Салтане». Другой совместный проект — политические стихи, отклик на польские события. 2 августа Пушкин пишет пространное стихотворение «Клеветникам России», где обращается к французским парламентариям и журналистам, осуждающим военное подавление польского восстания:

О чем шумите вы, народные витии?

Зачем анафемой грозите вы России?

Через две недели Жуковский передает рукопись царю и царице. Стихи приняты благосклонно. 26 августа у Натальи Николаевны именины, на

следующий день ей исполняется 19 лет, а 4 сентября она представлена императрице Александре Федоровне. В тот же день ротмистр Суворов, внук легендарного фельдмаршала, доставляет в Царское Село известие о том, что русские войска 26 августа взяли Варшаву, войдя в ее предместье под названием Прага.

5 сентября у Пушкина готово новое политическое стихотворение — «Бородинская годовщина». Там обыграно совпадение даты взятия Варшавы с «некруглой» 19-летней годовщиной Бородинского сражения. К побежденным полякам автор великодушен, а вот высокомерной Европе напоминает о событиях 1812 года, не советуя повторять попытку интервенции.

Жуковский прикладывает к двум стихотворениям Пушкина свою «Старую песню на новый лад», и в итоге составляется книжечка-брошюра. С одобрения Николая I она выходит в свет, отпечатанная в военной типографии небольшим тиражом в 200 экземпляров. Стихотворение «Клеветникам России» перепечатывает газета «Русский инвалид».

Книжечка имеет успех в официальных кругах, ее патриотический пафос импонирует и большей части публики. Недовольно только либеральное меньшинство, оно считает, что Пушкин с Жуковским угождают власти. Вяземский называет такие стихи «шинельными». Он считает, что «нравственная победа» на стороне поляков, а русским гордиться совершенно нечем.

Подобные мнения на страницы прессы, конечно, не проникают. Споры ведутся в устных разговорах, в письмах, в записных книжках (как в случае с Вяземским). Пушкина неожиданно поддерживает Чаадаев: «Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание», — пишет он автору «Клеветников России» и «Бородинской годовщины».

«Народные витии» Западной Европы об этих стихах Пушкина не услышат и никак на них не откликнутся, что сразу предсказал ехидный Вяземский. Да и российская правительственная бюрократия не очень заинтересована в продвижении патриотических стихов на Запад. «То спор славян между собою», — эта строка из «Клеветников России» окажется пророческой в нежелательном для автора смысле.

А что потом? Когда Пушкина посмертно назовут «солнцем русской поэзии», его имперские стихи 1831 года станут для прогрессивной общественности своего рода «пятнами на солнце». В советское время они будут замалчиваться, поскольку противоречат схематическому мифу о Пушкине-революционере, друге декабристов, борце с самодержавием и его жертве. Вопрос об оценке этих стихов, о их месте в поэзии Пушкина в

начале XXI века останется открытым. Современный читатель волен решать его по-своему. А помочь тут может пушкинское стихотворение «Эхо», написанное как раз по завершении «Бородинской годовщины».

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Поэт — эхо, откликающееся «на всякий звук». Этим достигается универсальность творимой художником картины мира. Существует в мире и такой «звук», как патриотическая гордость. Он не остался без пушкинского поэтического «ответа». Без «государственнических» стихов мир Пушкина был бы неполон.

Вскоре, по прочтении «Сказки о царе Салтане», Николай Гнедич назовет Пушкина «протеем». Протей в греческой мифологии — божество, способное менять облики. Пушкин как художник перевоплощает и в тираноборца, и в правителя, он умеет ощутить себя и отдельной личностью, и целым государством.

«Протеизм» — это не бесхарактерность, не приспособленчество. Это всеотзывчивость. Свойство не просто большого таланта, но художественного гения, человека-мира. Он творит бескорыстно, не придавая значения ни хвале, ни хуле. В сущности своей искусство самодостаточно и ни в чем ответе не нуждается: «Тебе ж нет отзыва...».

XXV

Пушкины переезжают из Царского Села в Петербург. Нанятая квартира им не нравится. Дмитрий Николаевич Гончаров живет на Галерной, там же он находит жилье для сестры с мужем, в доме Брискорн, где они и поселяются 21 октября.

Выходит в свет книга «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.». К Пушкину заходит юный выпускник лицея Павел Миллер. Видит книгу на столе и спрашивает: «Кто этот Белкин?». В ответ слышит:

— Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно.

Но простота, краткость и ясность пушкинской прозы будут оценены не сразу. Не только при жизни автора, но и потом долго будут преобладать скептические оценки. Белинский отнесет «Повести Белкина» к «беллетристике». Лев Толстой скажет: «Повести Пушкина голы как-то», хотя сам в поздней своей прозе повернет в сторону аскетизма и лаконизма. А подлинным наследником Пушкина-прозаика станет Чехов.

Простота и сложность — два полюса искусства. Оба необходимы. За простотой, обретенной писателем в конце, в итоге пути, — небывалая глубина. «Она всего нужнее людям, но сложное понятней им», — скажет потом о такой «неслыханной простоте» Пастернак. За чрезмерную сложность художник платит непониманием профанов. За «неслыханную простоту» — недооценкой эстетов.

Начинается процесс оформления Пушкина на службу. Министр иностранных дел Нессельроде спрашивает императора, каким чином определить «известного нашего поэта». Ответ: отставного коллежского секретаря принять в службу тем же чином (полученным, вспомним, по окончании лицея). Годовое жалованье — 5000 рублей в год, тоже весьма скромное.

6 декабря по случаю «тезоименитства» Николая I подготовлен пакет высочайших указов о награждениях и повышениях. Согласно одному из них коллежский секретарь Пушкин произведен в титулярные советники. То есть карьерный рост достиг отметки девятого класса по Табели о рангах. Приличные чины начинаются с восьмого, с коллежского асессора (вспомним, что Фамусов безродному Молчалину «дал чин асессора»). Недаром Пушкин за год до того саркастически писал в «Моей родословной»:

Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Царь, кстати, «Мою родословную» распространять не рекомендует, находя в этих стихах «много остроумия, но более всего желчи». Стихотворение между тем не столько остроумно, сколько парадоксально.

Пушкин спорит с теми, кто ставит ему в вину «аристократизм», — и вместе с тем не отрекается от своего происхождения, гордится своими предками. Есть аристократы, достигшие знатности ценой унижений и хитрости, угодившие «из грязи в князи». Они Пушкину чужды: «Не

торговал мой дед блинами, не ваксил царских сапогов...». Своих предков Пушкин видит людьми гордыми, независимыми, готовыми пожертвовать и свободой и жизнью ради блага отечества. И не важно, что поэт порой что-то домысливает, идеализирует и даже мифологизирует, — важна сама идея аристократизма («аристократия» по-гречески — «власть лучших») как воплощения нравственной высоты и благородства:

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

«Нижегородский мещанин» — это Козьма Минин, создавший в 1612 году земское ополчение вместе с аристократом князем Пожарским. Истинный аристократизм состоит не в презрении к «простым людям», а в великодушном чувстве равенства со всеми на свете. В первоначальном тексте стихотворения был эпиграф из песни Беранже: «Je suis villain...» («Я простолюдин...»). Демонстративно назвать себя «простолюдином» — это особенный аристократический шик.

Аристократический демократизм — это и вектор пушкинского творческого пути. Как художник он идет к кристальной ясности, доступности — не в ущерб глубине. «Повести Белкина» — наглядное тому доказательство.

В качестве титулярного советника Пушкин зачислен в Коллегию иностранных дел с начала 1832 года, а 27 января он принимает присягу и дает расписку о непринадлежности к тайным обществам и масонским ложам.

К читателям приходит восьмая глава «Евгения Онегина» (до издания романа единым томом остается еще год с небольшим). И примерно в это же время бывший «архивный юноша» и добрый знакомый поэта Николай Мельгунов пишет Степану Шевыреву: «В нашей литературе настает кризис: это видно уже по упадку Пушкина. На него не только проходит мода, но он уже явно упадает талантом».

Евгений Баратынский, одобрявший первые главы «Онегина», по завершении романа отзывается о нем весьма прохладно. «...Форма принадлежит Байрону, тон тоже. <...> Онегин развит не глубоко. Татьяна не имеет особенности. Ленский ничтожен», — сообщает он «за тайну» свою недобрую оценку в письме к Ивану Киреевскому.

Еще раньше от «Онегина» отрекся Николай Языков. Баратынский и Языков — самые сильные поэтические соратники Пушкина (Жуковский — иное, он предшественник и учитель). Обоих он обессмертил в «Онегине»,

адресовав им сердечные приветы («Певец Пиров и грусти томной...» — о Баратынском в третьей главе; «Так ты, Языков вдохновенный...» в четвертой главе). Но расходятся пути поэтов. Ничего не поделаешь, и не стоит верить в позднейший миф о «пушкинской плеяде», довольно далекий от реальности.

В отношениях между писателями импульс отталкивания сильнее, чем тяга к сближению. Сплотить поэтов и прозаиков в стройные ряды, как правило, никому не удастся. Одна из первых попыток в этом направлении — литературный обед, устроенный 19 марта 1832 года книгопродавцем и издателем Александром Смирдиным. Акция приурочена к переезду смирдинского книжного магазина с Мойки на Невский проспект, в дом напротив Казанского собора.

Стол в зале для чтения накрыт на восемьдесят персон. Тут, как потом вспомнят современники, «и обиженные, и обидчики». Не обходится и без агентов-доносчиков. Звучат тосты за здоровье Государя императора, потом за звезд российской словесности: Крылова, Жуковского, Пушкина, Дмитриева, Батюшкова, Гнедича. Присутствуют Вяземский, Гоголь, Владимир Одоевский, Плетнев, Сенковский... Знаменитый графоман граф Хвостов тоже тут. Кстати, после того, как выпили за Крылова, великий баснописец захотел провозгласить тост за Пушкина, но его остановили: следующим должен быть Жуковский, а Пушкин уж потом.

Пушкин весел и оживлен. Сыплет остротами. Замечает, что цензор Василий Семенов (в прошлом лицеист) сидит между двумя редакторами официозной газеты «Северная пчела», Фаддеем Булгариным и Николаем Гречем. И кричит, сидя в отдалении: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе!». То есть между двумя разбойниками. Общий смех, и сам же Греч шлет остроумцу воздушный поцелуй. Булгарин, однако, в очередной раз затаит злобу.

Нет мира между литераторами, но такие временные перемирия возможны.

А одного из «разбойников» — Греча — Пушкин потом попытается привлечь к собственному проекту — изданию газеты «Дневник». В конце мая он получит на это устное разрешение Бенкендорфа. Хочется посостязаться с «Северной пчелой», имеющей 10 тысяч подписчиков и приносящей не меньше 80 тысяч годового дохода. В сентябре даже будет изготовлен макет. Но потом Пушкин сам охладает к затее издания в проправительственном формате. Медийный бизнес требует особенной деловой хватки, некоторой доли житейского цинизма. Среди пушкинских дарований такового не имеется.

XXVI

Новый 1833 год Пушкины встречают на новой квартире, которую снимают с начала декабря. Дом Жадимировского на Большой Морской, угол Гороховой улицы. В двух шагах отсюда — дом княгини Голицыной, куда Пушкин поселит старую графиню в «Пиковой даме» и отправит к ней непрошеным гостем Германа.

В январе Пушкин становится академиком¹. Выдвинул его кандидатуру Александр Шишков — тот самый адмирал, потом министр народного просвещения. Основатель «Беседы любителей русского слова». Как убежденный арзамасец, Пушкин еще в лицее дразнил Шишкова эпиграммой, а много лет спустя, описывая в восьмой главе «Онегина» вышедшую замуж Татьяну, послал ему неожиданный привет по поводу непереводаемого французского речения: «Она казалась верный снимок *Dis comme il faut...* (Шишков, прости: Не знаю, как перевести.)». «Комильфо», как мы теперь видим, стало русским словом.

Шишков простил. Он ценит в зрелом Пушкине чистоту языка и ясность смысла. После выборов (Пушкин получил 29 голосов из 30, вместе с ним прошли в академики Михаил Загоскин и Павел Катенин) Шишков подписывает Пушкину диплом.

Нельзя сказать, что на Пушкина сие событие производит сильное впечатление. Побывав на академическом собрании, он скептически оценивает качество поданного угощения (водка и винегрет) и желает академии нанять хорошего повара и закупать французские вина.

В литературной работе Пушкина в это время пересекаются три романские дороги: «Евгений Онегин», «Дубровский», «Капитанская дочка».

Роман в стихах Пушкин готовит для книжного издания. Приходится уступить его Смирдину за 12 тысяч да еще с обязательством не печатать его нигде в течение четырех ближайших лет. Условия жесткие. Книга выйдет 20 или 21 марта, а пока автор дописывает свои примечания к роману (они не «дополнение», а неотъемлемая часть текста), включает в него «Отрывки из Путешествия Онегина». Произведение приобретает целостность и в то же время открытость:

Блажен, кто праздник Жизни рано

Оставил, не допив до дна

Бокала полного вина,

Кто не дочел Ее романа

И вдруг умел расстаться с ним,

Как я с Онегиным моим.

Роман есть Жизнь, а Жизнь есть роман. Такое художественное

уравнение — высшая точка в развитии отечественной словесности. Повторить этот подвиг в стиховой форме невозможно, а русский прозаический роман с тех пор неминуемо оглядывается на «Евгения Онегина». Тип главного героя — сомневающегося и ищущего, тип героини — цельной и развивающейся женственной натуры, открытость финала — все это наше русское романное «ноу-хау».

А тогда, в начале 1833 года, приближаясь, по дантовскому счету, к пункту «*nel mezzo del cammin di nostra vita*» («земную жизнь пройдя до половины»), романист Пушкин решает: куда идти дальше?

Начатый сюжет о Дубровском динамичен, но сам тип «благородного разбойника» неминуемо приведет к однозначному финалу. Либо добро восторжествует и зло будет наказано, либо герой потерпит поражение (обдумывался вариант, при котором героя сдает полиции один из его людей). Оба варианта, конечно, далеки от той многозначной модели Романа Жизни, что явлена в главном труде Пушкина.

«6 февр.» — такая дата стоит под законченной частью рукописи. Пушкин больше к ней не вернется. Текст впервые опубликован в 1842 году, издатели дадут название «Дубровский». Последняя фраза рукописи «По другим сведениям узнали, что Дубровский скрылся за границу» — эта последняя фраза станет финалом, сюжетное многоточие превратится в точку. Произведение станет чтением «для детей и юношества», будет изучаться в школе.

А 31 января уже намечен план другого романа: «Шванвич за буйство сослан в гарнизон. Степная крепость — подступает Пугачев...». Это придуманная еще полгода назад завязка будущей «Капитанской дочки».

Для написания этой вещи потребуется большая работа с источниками, с архивными документами. И Пушкина такая перспектива привлекает.

XXVII

Мало кто видит эту погруженность в работу. Молва представляет совсем иной образ поэта. Вот фрагмент письма Петра Плетнева Жуковскому, пребывающему в Швейцарии: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной».

Это пишет, заметим, человек, которому адресовано открывающее текст «Онегина» посвящение: «Не мысля гордый свет забавить, вниманье дружбы возлюбя...». По-видимому, с его слов и Гоголь сетует в письме к знакомому: «Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирует всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай, и более

необходимость, не затащут его в деревню».

Причина проста: многим просто не хватает внимания со стороны более чем занятого Пушкина, и эта вполне понятная обида творит миф о Пушкине как о завсегдатае балов, как об азартном «тусовщике», говоря современным словечком.

А двадцатилетняя Наталья Николаевна спешит отвести душу, пока новая беременность не заточит ее дома. Огромный успех на бале-маскараде имеет она в костюме жрицы Солнца. К ней подходит с комплиментами августейшая чета, и император объявляет ее царицей бала.

19 февраля Смирдин, как и год назад, учиняет большой литературный обед, приурочив к нему выход альманаха «Новоселье». На титульном листе — гравюра, изображающая аналогичное событие прошлого года. Греч, стоя с бокалом в руке, провозглашает здравицу, а напротив отчетливо виден сидящий за столом Пушкин. В составе альманаха впервые опубликован пушкинский «Домик в Коломне», написанный в Болдине в 1830 году. (Увы, тонкий пушкинский юмор не будет понят и оценен. Например, критик Николай Надеждин в «Телескопе» выставит автору «отрицательное число с минусом» и обзовет «Домик в Коломне» «рыхлым».)

А на следующий день Пушкин встречается с Гоголем, о чем тот с радостью извещает Погодина (того, в свою очередь, поэт хочет привлечь к совместной исторической работе). Пушкин в курсе новых замыслов Гоголя, он часто бывает первым слушателем его сочинений.

Он радуется выходу книги стихотворений Языкова, поддерживает рецензией издание стихов и переводов Катенина, хлопочет о посмертной публикации сочинений трагически погибшего в Твери Александра Шишкова-младшего, племянника президента Академии наук («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...» — так обращался к нему Пушкин в 1816 году в Царском Селе). Шишков вызвал оскорбителя жены на дуэль, а тот подстерег его у крыльца и убил четырьмя ударами кинжала.

Пушкин верен дружбам, коих у него немало.

XXVIII

Вторая болдинская осень в жизни Пушкина. Она длится с 1 октября по 9 ноября 1833 года. Закончена «История пугачевского бунта», на которую возлагаются большие материальные надежды: «Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов и заживем припеваючи», — это из письма Пушкина жене от 8 октября.

Параллельно с этим трудом пишутся «Сказка о рыбаке и рыбке», поэмы «Анджело» (вариация на тему трагедии Шекспира «Мера за меру») и «Медный всадник», повесть «Пиковая дама». В начале ноября сюда

добавляется «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

«Медный всадник» — поэма-вопрос. «Петра творенье» прекрасно, но гармония Петербурга достигнута ценой жертв, несчастьями множества людей, подобных бедному Евгению. Как разрешить противоречие между интересами государства и ценностью отдельной личности? Однозначного ответа здесь нет и быть не может. Читателю навеки оставлена возможность этического выбора. Возможно такое истолкование смысла поэмы: противоречие между государством и личностью неизбежно, надо мужественно принять его как данность. Другой возможный читательский ответ: нет, ценность каждой человеческой жизни абсолютна, и гармония, основанная на жертвах, мне не нужна (примерно так мыслил Достоевский: процитировав «Люблю тебя, Петра творенье...», он возражал: «Винovat, не люблю его»). То есть ответов на поэму-вопрос как минимум два. А можно ли понять поэму как утверждение абсолютной ценности государства, имеющего право распоряжаться жизнями людей как строительным материалом? Мол, цель оправдывает средства, и человек — средство для решения больших государственных задач. Нет, такому тоталитаристскому («сталинистскому», если говорить в контексте XX века) истолкованию пушкинская поэма решительно сопротивляется.

И еще на этот раз в Болдине рождается «Осень» — стихотворение, которое при жизни автора света не увидит, а потом станет для многих читательских поколений многозначным символом — природы, поэтического вдохновения, бесконечной жизни. Эта вещь написана октавами, как и «Домик в Коломне», только ямб на этот раз не пяти-, а шестистопный, монументальный. Каждая строфа — объемная картина. Строфу седьмую («Унылая пора! очей очарованье...») дети станут заучивать в школе как отдельное произведение, это своеобразная поэтическая эмблема осени в нашей культуре. А строфа одиннадцатая — своего рода пароль при вхождении в мир литературного творчества. Нет в России пишущего человека, который бы не применил к себе слова: «И пальцы просят к перу, перо к бумаге...».

Последнюю же, одиннадцатую строфу автор, набросав было шесть строк, сокращает до полустиха: «Плывет. Куда ж нам плыть?», после чего следует две с половиной строки, состоящие из точек. Это место, словно оставленное для восполнения, для продолжения. Это знак будущего.

XXIX

Вечером 20 ноября Пушкин после трехмесячного отсутствия возвращается в Петербург. Уже не на Большую Морскую, а на Пантелеймоновскую, где Наталья Николаевна сняла новую квартиру в доме

капитана Оливио. В бельэтаже. Цена аренды — 4800 в год против 3300 прежней квартиры, к тому же предыдущему хозяину Жадимировскому Пушкины должны выплатить тысячу рублей неустойки.

Но Пушкин считает, что все в порядке. Жена на балу, и он учиняет сюрприз. Забирается в ее карету и посылает лакея вызвать Наталью Николаевну по срочному делу домой. Но не говоря, что в карете кто-то есть. Со второй попытки удается. Дама в роскошном розовом платье садится в карету и попадает в объятия супруга.

В конце ноября поэт берется переписывать «Медного всадника» на хорошей бумаге аккуратным почерком, крупными буквами — чтобы представить царю. Начинает вести дневник — очень лаконичный, где, в частности, 2 декабря записывает: «Вчера Гоголь читал мне сказку: *Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.* — очень оригинально и очень смешно». Имеется в виду «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Два самых остроумных человека России понимают друг друга. Пушкин рассказывает, как нижегородский губернатор Бутурлин, радушно приняв столичного литератора, потом вдруг испугался и отписал нижегородскому коллеге Перовскому: не иначе этому гостю «дано тайное поручение собирать сведения об неисправностях». Этот невыдуманный анекдот пригодится для фабулы «Ревизора». А Пушкин скажет потом: «С этим хохлом надо быть осторожным; он обирает меня так, что и кричать нельзя». Но, конечно, в шутку скажет.

А завершается 1833 год для Пушкина двумя ощутимыми ударами судьбы. Близость к царскому двору выходит боком. Адаптироваться к двусмысленному положению поэту не удалось.

В письме от 6 декабря Пушкин просит Бенкендорфа передать государю «стихотворение, которое я желал бы напечатать» (то есть поэму «Медный всадник»), просит разрешить ему печататься в издаваемом Смирдиным журнале «Библиотека для чтения» «на общих основаниях», то есть проходить обыкновенную цензуру, не царскую. И еще он извещает о написанной им «Истории Пугачевщины», с которой просит ознакомиться Его Величество.

Разрешение печататься в журнале на общих основаниях дано. Но в случае с «Медным всадником» высочайший цензор проявил абсолютную жесткость.

Утром 12 декабря Пушкин вызван к Бенкендорфу. Получает от него свою рукопись с редакторскими карандашными пометами. Самый неприятный момент в жизни любого автора. Эти противные

вопросительные знаки, NB и отчеркивания на полях... А каково автору, если он — первый поэт России, сделавший на новую поэму решительную ставку — в моральном и в материальном смысле. И если редактор — всевластный суверен, от чьих замечаний никак не отмахнешься.

Николай не принимает выражения «кумир на бронзовом коне», требует вымарать строфу «И перед младшею столицей *Померкла старая Москва*, Как перед новою Царицей / Порфироносная вдова». Возмущенно отчеркнута вся сцена бунта Евгения, начиная со слов «Добро, строитель чудотворный...».

Уступить? Бросить кость, сделав сокращения? Не получится. Пушкин извещает Смирдина, что этой поэмы в «Библиотеке для чтения» не будет. Потом дело сведется к публикации отрывка под названием «Петербург». Читатель при жизни Пушкина не прочтет его итоговой поэмы, не услышит последнего слова поэта об истории, о государстве и личности.

30 декабря на балу у графа Алексея Орлова Пушкину сообщают: завтра император подпишет указ о присвоении поэту придворного звания камер-юнкера. С формальной точки зрения вроде бы ничего экстраординарного: по своему чиновному статусу претендовать на звание камергера Пушкин не может. Камер-юнкер — низший чин в придворной иерархии, но в общей Табели о рангах находится на приличном уровне. Попавший в камер-юнкеры вместе с Пушкиным Ремер — коллежский асессор (то есть на ступеньку выше титулярного советника). Правда, придворному «товарищу» Пушкина всего двадцать семь лет. А в 34 года начинать придворную карьеру...

В этот момент на балу у Орлова присутствует Лев Сергеевич Пушкин, который потом расскажет: брат, услышав новость, приходит в бешенство. Его уводят в кабинет графа, чтобы успокоить. По воспоминаниям Нащокина, Виельгорский и Жуковский чуть ли не обливали друга холодной водой. А то он готов был отправиться к царю и наругать ему.

Запись в пушкинском дневнике: «1 янв. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но Двору хотелось, чтобы NN танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau». Маркиз де Данжо — мемуарист, подробно описавший жизнь при дворе Людовика XIV. Едва ли Пушкин всерьез примеряется к такой роли. Но придворный «шутовской кафтан» поносить придется.

Первый номер «Библиотеки для чтения» за 1834 год включает большое стихотворение Пушкина «Гусар». Гонорар за него — 1 тысяча рублей, изрядный. Ровно столько Пушкин выплачивает 3 января домовладельцу Оливье. А купец Жадимировский через управу благочиния добивается от

Пушкина неустойки за прошлое жилье — 1063 руб. 33 ¹/₃ коп.

XXX

Пушкин просит помощи в издании «Истории пугачевского бунта». И получает ее. Дневниковая запись от 28 февраля: «Государь позволил мне печатать „Пугачева“; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения».

А 6 марта записано: «Царь дал мне взаймы 20 000 на напечатание „Пугачева“. Спасибо». Несмотря на близость ко двору, табачок по-прежнему врозь. Речь идет не о «гранте», не о «спонсорской» поддержке (таких форм еще не существует), а всего лишь о ссуде, которую историограф должен будет вернуть в течение двух лет, причем с процентами.

Но российская история у Пушкина — не только работа «для прокорма», это предмет страстного интереса. Чуть позже, в апреле, он встретится с Михаилом Сперанским, в ведении которого находится типография, печатающая книгу Пушкина. С увлечением слушает рассказы отставленного реформатора, делится с ним заветными мыслями: «Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага*. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени».

Совсем другая интонация в описании балов на Масленицу. До наступления поста двор спешит выполнить и перевыполнить план по увеселениям. В последний день организуют целых два бала, создавая невероятный ажиотаж: «Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцевали мазурку, коей оканчивался утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд. Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидовали утренним счастливым. <...> Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались».

Мать поэта, радовавшаяся светским успехам невестки, сообщает о приключившемся с нею выкидыше дочери Ольге: «И вот она пластом лежит в постели после того, как прыгала всю зиму и, наконец, всю масленую, будучи два месяца брюхата». Винит тетку — фрейлину Загряжскую.

Наступает весна. «Нева вскрылась», как говорят петербуржцы. В Вербное воскресенье 15 апреля Пушкин провожает жену с двумя детьми в Полотняный завод, с заездом в Москву. Там встречается с сестрами Екатериной и Александрой. Они в ссоре со своей нервной матерью. Наталья Николаевна озабочена их судьбой, хочет пристроить их в фрейлины.

В уединении Пушкину не дают покоя: вызывают к обер-камергеру, чтобы «мыть голову» за то, что не был у обедни. Он исправляться не думает и пропускает вдобавок бал в честь совершеннолетия наследника. Гуляет в это время в толпе на набережной Фонтанки возле дома Нарышкина, куда приглашено 1800 гостей. «Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мной весь город проехал в каретах...». Вот удобная позиция для художника и историка.

Он часто пишет жене, но постепенно выясняется, что их переписка становится известной посторонним лицам. Московский почтовый директор Александр Булгаков, с которым у Пушкина были добрые отношения, который о творениях поэта отзывался доброжелательно и толково, — этот человек вдруг оборачивается «негодяем Булгаковым», вскрывающим чужие письма и докладывающим о них куда следует. Пушкин в письме к жене (не сохранившемся) просит ее соблюдать эпистолярную осторожность.

Начинается же все с пушкинского письма жене от 20 и 22 апреля 1834 года, где он комментирует свое нежелание присутствовать на праздновании совершеннолетия наследника (в Пасхальное воскресенье 22 апреля): «К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Три царя — это Павел I, Александр I и Николай I. «Порфирородный тезка» маленького Сашки — наследник, будущий Александр II.

Александр Александрович Пушкин стихов писать не будет, ссориться с царями тоже. Пойдет по военной линии, получит кучу орденов и станет генерал-майором свиты Его Величества в 1880 году, незадолго до того, как его августейшего тезку Александра II убьют бомбой на Екатерининском

канале. Сам же умрет своей смертью в преклонном возрасте — в день, когда Россия вступит в Первую мировую войну.

Пока же наиболее актуальными оказываются слова «упек меня в камер-пажи под старость лет». 10 мая Пушкин напишет жене: «Государю неужто было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться...».

Для Пушкина здесь важнее не политическая, а семейно-интимная сторона дела. Письмо в те времена бывало и литературным фактом, и жанром литературной критики (высказывая претензии к «Горю от ума» в письме к Александру Бестужеву, Пушкин добавлял: «Покажи это Грибоедову»). Но свои письма к жене он просит никому не показывать и не давать «списывать»: «Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни».

Это из письма от 18 мая, где Пушкин поздравляет жену с «Машиным рождением» (дочери два года), желает ей «зубков и здоровья». В этом письме примечательным образом соединяются любовь к семье и жажда свободы: «Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя. Благословляю всех вас, детушки».

Лет двадцать... То есть всю сознательную жизнь. Пушкин никого не винит. «Ропот на самого себя» — это значит, человек-мир ощущает в себе некоторый ущерб. И внутреннюю гармонию свою он защитит любой ценой.

XXXI

Пушкину тридцать пять лет. В день своего рождения он в большой компании (Жуковский, Вяземский, Виельгорский и др.) плывет на пароходе «Ольга» в Кронштадт. Семью князей Мещерских и Софью Карамзину провожают в Италию, куда из Кронштадта отправляется пароход «Александра» с более чем сотней пассажиров. Сам он о дальних странствиях уже не помышляет.

«Тетка» (фрейлина Загряжская) прислала имениннику корзину с дынями, земляникой и клубникой. «Боюсь поносом встретить 36-й год

бурной моей жизни», — шутит он в письме к жене.

А на следующий день — опять надо «представляться». Такова участь придворного. С неохотой надевает камер-юнкер свой мундир и отправляется на Каменный Остров к великой княгине Елене Павловне. Та неожиданно оказывается очень мила, говорит с Пушкиным о Пугачеве. Но среди тех, кто представляется в этот день, один неприятный субъект — цензор Красовский, недобрым словом помянутый в пушкинских стихах. Великая княгиня из вежливости его спрашивает: «Должно быть, вам докучна обязанность читать всё, что появляется». А тот в присутствии первого поэта России бестактно отвечает: «Да, современная литература (*la litterature actuelle*) так отвратительна, что это мученье». «Великая княгиня скорей от него отошла», — пишет Пушкин в дневнике. Сколько в России будет еще таких функционеров, связанных с «актуальной литературой» лишь по долгу службы и ненавидящих ее...

XXXII

«...При всем добросердечии своем, он был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и увлечению, сколько по расчету; он, так сказать, вменял себе в обязанность, поставил себе за правило помнить зло и не отпускать должникам своим. Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивайся с ним, волею или неволею. <...> Он не спешил взысканием; но отметка *должен* не стиралась с имени, но Дамоклесов меч не снимался с повинной головы, пока приговор его не был приведен в исполнение», — так напишет потом про своего великого друга Вяземский.

Слово «злопамятный», пожалуй, слишком резкое, но стиль полемического поведения Пушкина описан в целом точно. Самому Вяземскому досталось за придирки к поэме «Цыганы». Ответ на них — эпиграмма «Прозаик и поэт» («О чем, прозаик, ты хлопчешь?..»). Когда Пушкин спросил Вяземского, можно ли ее печатать, тот даже не понял, в чем дело. Много лет спустя Вяземский уразумевает, что именно он — прототип этого обобщенного «прозаика». Но такой эпиграмматический укол, конечно, вписывается в рамки дружеского литературного спора. Другое дело — выстрелы, как дуэльные, так и литературно-сатирические.

Осенью 1835 года созрела ситуация для того, чтобы расплатиться с Уваровым. Президент Академии наук, министр просвещения и председатель цензурного управления в одном лице — еще и отъявленный стяжатель. Его неблизкий родственник граф Дмитрий Шереметьев (Уваров женат на его двоюродной сестре) тяжело заболевает. Графу всего тридцать два года, он сказочно богат (ему принадлежат усадьбы в Останкине и

Кускове и много еще чего), но ни жены, ни детей пока нет. Уваров (он старше родственника на шестнадцать лет) всеми силами норовит заполучить его наследство. Однако Шереметев выздоравливает. Скандал.

И вот Пушкин публикует в «Московском наблюдателе» оду «На выздоровление Лукулла» (Лукулл — римский полководец, консул и страстный гастроном, память о нем сохраняет выражение «лукулловы пиры»), но это имя выбрано, конечно, с целью иронической маскировки. Как и подзаголовок «Подражание латинскому». Ода написана с юношеским задором. Ее персонаж, «как ворон, к мертвечине падкий», препотешно мечтает о том, как сделается вельможей и разбогатеет: «...Жену обсчитывать не буду *И воровать уже забуду* Казенные дрова!» (коррупционера Уварова обвиняли в использовании дров Академии для собственного жилья).

А выздоровевшему богачу автор желает пользоваться дарами жизни:

Пора! Введи в свои чертоги

Жену красавицу — и боги

Ваш брак благословят.

Пророчество поэта блистательно сбудется: Шереметев женится, причем дважды, обзаведется законными наследниками и доживет до 1871 года (Уваров умрет, как и положено старшему, на шестнадцать лет раньше). А тогда, в январе 1836 года, «весь город занят „Выздоровлением Лукулла”», как фиксирует в своем дневнике цензор Никитенко.

Высокий сановник жалуется наверх по поводу морального ущерба. От Пушкина требуют объяснений, но он отвечает, что его сатира не содержит намеков на конкретные лица. Действительно, с точки зрения эзоповской техники ода выполнена безупречно.

А своими именами поэт именует противников в эпиграммах, не предназначенных для печати, но мгновенно распространяющихся устно. Уваров сделал вице-президентом Академии наук своего любовника — князя Михаила Дондукова-Корсакова, человека не обремененного излишними познаниями. И вот пушкинский выстрел по «сладкой парочке»:

В Академии наук

Заседает князь Дундук.

Говорят, не подобает

Дундуку такая честь;

Почему ж он заседает?

Потому что ж<...> есть.

Соболевский потом будет говорить, что Пушкин пожалел об эпиграмме, «когда лично узнал Дундука». Да, наверное, злость прошла, но

от эпиграммы этой (как и всех других) поэт никогда не отречется. Отправляясь на заседание Академии в конце декабря 1836 года, он скажет Андрею Краевскому (тогда начинающему редактору, а впоследствии знаменитому издателю «Отечественных записок»): «Посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме». Это автоцитата, ведь еще в 1829 году стихотворение «Собрание насекомых», где речь шла о литературных противниках, завершалось строками:

Они, пронзенные насквозь,
Рядком точат на эпиграммах.

XXXIII

Весь 1836 год проходит у Пушкина беспокойно, взвинченно. Призрак дуэли начинает преследовать его уже с января, причем, что называется, на ровном месте. Дважды его сильнейшее раздражение без всяких оснований вызывают люди молодого возраста. Сначала вспышка беспричинного гнева обрушивается на двадцатидвухлетнего графа Владимира Соллогуба (впоследствии довольно известного писателя). Соллогуб с юных лет относился к Пушкину с трепетным почтением, считал за счастье случайные светские встречи с ним. И вдруг Пушкин (вероятно, из рассказов Натальи Николаевны) делает неадекватный вывод, что молодой человек на балу обращался к ней «с неприличными замечаниями». Адресует ему гневное письмо, тот, находясь в Твери, пытается оправдаться. В Пушкина стрелять он ни за что не станет, но и трусом оказаться не хочет. 5 мая Пушкин и Соллогуб встретятся у Нащокина и примирятся. А еще через полгода мы увидим Соллогуба рядом с Пушкиным уже в совсем иной роли...

Пустяковая ссора приключается с чиновником Семеном Хлюстиным (за которого Гончаровы когда-то хотели выдать Екатерину). Этот человек имел неосторожность пересказать недоброжелательный выпад Сенковского о Пушкине да вдобавок еще похвалить прозу Булгарина. Опять взрыв, от которого недалеко до дуэли.

И примерно в то же время Пушкин начинает письменно выяснять отношения с князем Николаем Репниным. Они даже не знакомы лично, но до Пушкина дошел слух, что Репнин дурно отзывался об авторе «Выздоровления Лукулла». К счастью, князь проявляет такт и самообладание: он отвечает Пушкину так миролюбиво, что инцидент оказывается исчерпанным.

И это не просто нелепости или недоразумения. Как раз в это время предметом светских разговоров становится то повышенное внимание, которое к Наталье Николаевне Пушкиной проявляет поручик Кавалергардского полка Жорж-Карл Дантес. Он пользуется

покровительством нидерландского посланника при русском дворе Луи-Борхарда Геккерна. Дантесу двадцать пять лет, Геккерну — сорок пять. Их связывают отношения более чем дружеские, что не мешает младшему из партнеров интересоваться женщинами и подробно о том докладывать своему покровителю. Может быть, репутация дамского угодника нужна Дантесу для маскировки интимных отношений с лицом мужского пола. А возможно, что Геккерн позволяет своему любимцу контакты с женщинами и получает удовольствие от совместного смакования подробностей.

Так или иначе, младший пылко исповедуется старшему в письме от 20 января 1836 года: «...Я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть; я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив; поверяю тебе это, дорогой мой, как лучшему другу...».

«Она тоже любит меня» — это утверждение едва ли имеет под собой реальную почву, но волевой напор Дантеса велик. Цель поставлена, и в ее осуществлении он рассчитывает на поддержку сердечного друга: «До свиданья, дорогой мой, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца».

Два закоренелых развратника затевают охоту на юную, двадцатитрехлетнюю женщину, совершенно не искушенную в сердечных делах. Она в этой ситуации, по сути, обречена — как жертва, намеченная хладнокровным маньяком. Дантес виртуозно владеет техникой обольщения и притом ничем не рискует. Его сердце не может оказаться разбитым в ходе любовной игры: для него красивая женщина — лишь предмет забавы.

Происходит объяснение. В какие бы слова ни облекалось признание Дантеса, о чем, собственно, он просит Наталью Николаевну? Он предлагает замужней женщине, матери троих детей, находящейся на шестом месяце новой беременности, совершить супружескую измену и вступить в легкомысленную интрижку с неотразимым красавцем. Положительный ответ с ее стороны заведомо невозможен — ни по моральным, ни по физическим причинам.

Однако признание в роковой страсти не может не тронуть женщину, в ее сердце возникает ответная симпатия, и свой отказ она облекает в предельно лестные для собеседника формулировки. Дантес передает их в письме Геккерну от 14 февраля следующим образом: «Если бы ты знал, как она меня утешала, потому что она видела, что я задыхаюсь и что мое положение ужасно; а когда она сказала мне: я люблю вас, как никогда не

любила, но не просите большего, чем мое сердце, ибо все остальное мне не принадлежит, а я могу быть счастлива, только исполняя свои обязательства, пощадите же меня и любите всегда так, как теперь, моя любовь будет вам наградой...».

Слова «любовь» и «любить» очень многозначны. Разный смысл они имеют в мужской и в женской речи, варьируется их значение от одной исторической эпохи к другой. Когда Татьяна в восьмой главе романа в стихах говорит Онегину: «Я вас люблю (к чему лукавить?), *Но я другому отдана; Я буду век ему верна*», — это едва ли означает, что героиня не прочь вступить с героем в сексуальный контакт и только моральные условности мешают ей это сделать.

Так и здесь. Даже если Дантес не выдумал сам слова: «Я люблю вас, как никогда не любила», — они вполне могут означать симпатию платоническую, а мольба «не просите большего, чем мое сердце», — они могут быть истолкованы как простое согласие на дружбу, на взаимоприятный светский флирт.

Пушкину, однако, об этом неизвестно. А контакты Натальи Николаевны с Дантесом вскоре прервутся по причине ее беременности. 23 мая появится на свет четвертый ребенок в семье Пушкиных. Что касается Геккерн с Дантесом, то они в мае 1836 года тоже создадут своеобразную семью, узаконят свои отношения. Жорж станет приемным сыном барона и будет именоваться Жорж Шарль де Геккерн Дантес.

XXXIV

В начале сентября Пушкины переезжают в новую квартиру на набережной Мойки. Подписан контракт, в котором значится: «Нанял я, Пушкин, в собственном ее светлости княгини Софьи Григорьевны Волконской доме, состоящем 2-й Адмиралтейской части первого квартала по № 7-м, весь, от одних ворот до других, нижний этаж из одиннадцати комнат состоящий, со службами, как-то: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя во двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке, и сухим для вин погребом, сверх того две комнаты и прачешную, взойдя на двор налево, в подвальном этаже, во 2-м проходе; сроком вперед на два года, то есть по первое сентября будущего тысяча восемьсот тридцать восьмого года».

Стоимость аренды — 4300 рублей в год. Арендатор обязывается не ломать капитальных стен с целью «неподвижного украшения», не рубить и не колоть в кухне дров, на лестницах «не держать нечистоты», от огня иметь «крайнюю осторожность», сообщать управляющему о всех приезжающих и отъезжающих, не держать в доме лиц, не прописанных в

квартале.

Снова — денежные хлопоты, поиски новых заемов.

19 октября 1836 года — день трижды знаменательный.

Завершается работа над «Капитанской дочкой». В бумагах Пушкина останется «Пропущенная глава», описывающая бунт в деревне главного героя и его родителей. Она увидит свет в 1880 году. В память многих читателей западет такое имеющееся здесь авторское размышление: «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».

Вскоре «Капитанская дочка» будет прочитана Пушкиным в доме Вяземского. Печатается она в четвертом номере «Современника» — без имени автора (может быть, для того, чтобы идеализированный образ Екатерины II не вызвал цензурных придирок со стороны императора, не любившего свою бабушку).

Кроме того, в этот день написано письмо Чаадаеву — ответ на его «Философическое письмо», опубликованное в журнале «Телескоп». Чаадаев говорит о фатальной оторванности России от европейской цивилизации, крайне скептически оценивает и прошлое нашего отечества, и его перспективы на будущее. Пушкин, вступая с другом в диалог, не оспаривает критический пафос Чаадаева, но при этом все-таки стремится найти точку опоры в российском прошлом: «А Петр Великий, который один есть целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж?» (оригинал по-французски).

Пушкин это письмо не отправит. Причиной тому — правительственные гонения, которые вызовет чаадаевское сочинение. Журнал «Телескоп» будет закрыт, редактора его, Николая Надеждина, сошлют, а самого Чаадаева объявят сумасшедшим. Пушкин решит, что его письмо может повредить адресату. Он ознакомит с ним своих друзей, а главное — пушкинский ответ Чаадаеву сохранит значимость как послание потомкам.

«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал».

Эти слова будут цитироваться многими мыслящими людьми, а в

фильме Андрея Тарковского «Зеркало» идейной кульминацией станет мистический эпизод, когда в доме появляется незнакомая женщина, вручает юному персонажу книгу, и он сбивчивым детским голосом читает заветные пушкинские слова. Они и в XXI веке остаются духовным ориентиром нашей интеллигенции.

А еще 19 октября — лицейская годовщина, двадцать пятая. Устройством празднования занимается Михаил Яковлев, «староста лицейский», «Паяс». Музыкант, сочинивший мелодии к пушкинским стихам (в частности, к «Зимнему вечеру»: «Буря мглою небо кроет...»). Директор Императорской типографии, где печаталась «История пугачевского бунта». Он обменивается с Пушкиным письмами по этому поводу. Оба за то, чтобы собрались только «свои», лицеисты первого набора и выпуска. Последующие поколения — уже не то.

Первый раз Пушкин откликнулся на дату, будучи в 1825 году в Михайловском, большим стихотворением «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»). Там сформулированы идеалы лицейского братства, переданы персональные приветы Пушину, Горчакову, Дельвигу и Кюхельбекеру, задан вопрос, обращенный в будущее: «Кому ж из нас под старость день лица / Торжествовать придется одному?» (это будет Горчаков, который доживет до 1883 года, а 19 октября 1882 года встретит в одиночестве).

В 1827 году Пушкиным сочинено афористичное восьмистишие «Бог помочь вам, друзья мои...», где последняя строка («И в мрачных пропастях земли!») — то ли привет ссыльным декабристам, то ли дань памяти ушедшим.

В 1828 году дело ограничивается шутливым экспромтом, поскольку автор собирается в гости к Осиповой в Малинники и покидает пирушку:

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

На этот же раз Пушкин пишет обширный текст с историческим сюжетом. Это переключка и со стихами 1825 года, и в какой-то мере с юношеским «Воспоминанием в Царском Селе»:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...
Дописать не успевает: шестьдесят четвертый стих только начат:
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,

И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их...

С неоконченным текстом отправляется Пушкин около четырех часов дня в дом Яковлева. Это близко, на Екатерининском канале.

Собираются Гревениц, Данзас, Илличевский, Комовский, Мартынов, Мясоедов, Корф, Стевен, Юдин. Обедают «вкусно и шумно», согласно протоколу. Читают бумаги из лицейского архива, поют «национальные песни».

Пушкин начинает читать свое обращение к друзьям, но тут же сбивается, умолкает...

Слезы душат. Предчувствие?.. Он обещает дописать стихотворение и приобщить потом к протоколу.

XXXV

4 ноября, утром, Пушкин получает по городской почте издевательский «диплом», написанный по-французски. О том, что господин Пушкин принят в «орден рогоносцев». Председателем ордена назван Нарышкин, муж фаворитки Александра I. Намек на то, что Пушкин при дворе занимает теперь такое же положение. «Рогоносец» для Пушкина — самое обидное из всех оскорблений. Сколько раз он сам издевательски проходил в стихах по «мужьям рогатым», в том числе и тем, чьи жены были его любовницами...

Разговор с женой. Пушкин узнает, что совсем недавно Наталья Николаевна угодила в ловушку. Интригу затеяла ее подруга Идалия Полетика (жена полковника Кавалергардского полка, незаконная дочь графа Григория Строганова — двоюродного дяди Натальи Николаевны). Прежде у Полетики с Пушкиным были мирные отношения, но потом она за что-то затаила на него злобу. Полетика заманила Наталью Николаевну в свой дом, а там вероломно оставила наедине с Дантесом, заранее этого дожидавшимся². Домогательства Дантеса Наталья Николаевна решительно отвергла, злополучный тет-а-тет был прерван внезапным появлением дочери Полетики, но сам факт такого свидания мог бросить тень на репутацию жены Пушкина.

А если учесть, что незадолго до того Геккерн-старший вел с Натальей Николаевной рискованные разговоры, прося ее проявить великодушие к его приемному сыну... В общем, анонимный пасквиль может быть мстью Пушкиным.

Надо отвечать немедленно. Пушкин не сомневается, что этот удар нанесен Геккернами. Вечером он отправляет младшему из них вызов на дуэль, без объяснения причин. Наутро письмо доставлено. Его вскрывает Геккерн-

старший, поскольку приемный сын на дежурстве в полку. Тут же дипломат отправляется на Мойку и просит у Пушкина отсрочки дуэли на 24 часа. Приходит и на следующий день, выпрашивает отсрочку еще на две недели.

(Кто на самом деле изготовил пасквиль? Кто отправил несколько его копий близким знакомым Пушкина? Будут называть имена князя Ивана Гагарина, князя Петра Долгорукова, потом под подозрение у пушкинистов попадет Идалия Полетика. Доподлинно же это останется неизвестным.)

Встревоженная Наталья Николаевна решает обратиться за помощью к Жуковскому. Для этого посылает своего брата в Царское Село. Жуковский приезжает, говорит с Пушкиным, а на следующий день отправляется в нидерландское посольство, чтобы как-то погасить пожар.

Геккерн встречает его любезно и огорошивает неожиданным сообщением: оказывается, приемный сын влюблен в сестру Натальи Николаевны. Жуковскому на минуту кажется, что речь об Александрине, но нет — о Екатерине. И Геккерн дает согласие на этот брак.

Пушкин, услышав эту весть от Жуковского, взбешен. Конечно, он не верит в любовь Дантеса к Екатерине. Не сомневается, что эта затея предпринята Геккернами уже после получения вызова на дуэль.

Жуковский продолжает нелегкую миротворческую миссию. Подключает к делу фрейлину Екатерину Ивановну Загряжскую, давнюю знакомую семьи Гончаровых. У нее на квартире 14 ноября происходит встреча Геккерна и Пушкина, в результате которой дуэль отменена. Пушкин сдержан и молчалив.

Своим чувствам он дает волю, зайдя после этого к Екатерине Андреевне и Софье Николаевне Карамзиным, а на следующий день — к Вере Федоровне Вяземской. Он по-прежнему жаждет мщения.

Письменный отказ от вызова на дуэль он составляет в преднамеренно небрежной манере. Дантес через своего секунданта барона Д'Аршиака отвечает заносчивым письмом. Пушкин поручает Владимиру Соллогубу в качестве секунданта вновь провести переговоры о дуэли. На рауте в австрийском посольстве говорит Дантесу грубые слова. Идет к Клементию Россету и приглашает его в качестве «запасного» секунданта вместо Соллогуба.

Уже намечена новая дата дуэли — 21 ноября. И тут Соллогубу удается найти примиряющее решение. И Дантес отказывается от своих амбиций, и Пушкин по поводу сватовства Дантеса к Екатерине письменно заверяет: «Нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека». Барон Геккерн от имени своего приемного сына делает формальное предложение Екатерине Гончаровой.

XXXVI

Но перемирие оборачивается для Пушкина моральным проигрышем. В свете начинают толковать: мол, женитьба Дантеса — жертва с его стороны. Благородный поступок. Спас честь любимой женщины, защитил ее от клеветы, от ревнивца-мужа. «Бедный Дантес!» — восклицает Софья Карамзина (фрейлина, дочь Н. М. Карамзина от первого брака).

Эту версию активно транслируют оба Геккерн. А старший из них наведывается с визитом в дом Пушкиных и передает Наталье Николаевне письмо от приемного сына — о том, что тот отказывается от каких бы то ни было видов на нее. Свою миссию он сопровождает весьма обидными устными комментариями. Это унижение. Для обоих супругов Пушкиных.

21 ноября 1836 года Пушкин пишет два письма, которые не будут отправлены адресатам, но бесповоротно обозначат неизбежность того, что произойдет через два месяца.

Первое адресовано барону Геккерну, которого Пушкин недвусмысленно обвиняет в безнравственности: «Вы, представитель коронованной особы, вы *отечески* сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили вы».

Пушкин категорически обвиняет Геккерн и Дантеса в изготовлении анонимного письма. Заканчивает он беспощадными словами: «Дуэли мне уже недостаточно, и каков бы ни был ее исход, я не сочту себя достаточно отомщенным ни смертью вашего сына, ни его женитьбой, которая совсем походила бы на веселый фарс (что, впрочем, меня весьма мало смущает), ни, наконец, письмом, которое я имею честь писать вам и которого копию сохраняю для личного употребления. Я хочу, чтобы вы дали себе труд и сами нашли основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня не плюнуть вам в лицо...».

Вечером Пушкин знакомит с этим письмом Владимира Соллогуба — как секунданта, ввиду неизбежной дуэли. Он читает ему текст послания с такой страстью, что собеседник не смеет и рта открыть. Соллогуб спешит в дом Владимира Одоевского в Мошковом переулке, где по случаю приемного дня может находиться Жуковский. Все ему рассказывает, и Жуковский немедленно отправляется на Мойку. Каким-то образом он уговаривает Пушкина не отсылать роковое послание.

Второе письмо адресовано Бенкендорфу. О пасквиле и несостоявшейся дуэли. Вновь он отстаивает свою версию: «...Я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества».

Письмо не будет отправлено, его потом найдут в бумагах Пушкина. А сам он будет 23 ноября принят Николаем I и пообещает ему больше не драться ни под каким предлогом.

Но для Пушкина это только отсрочка. Ненадолго. Не с Геккернами ему предстоит окончательно выяснить отношения, а с самим собой. Неотмщенная обида разлагает личность, как скажет потом один писатель. Убить в себе личность Пушкин не позволит.

XXXVII

Отвлечься помогает работа, ее предостаточно. «Я очень занят. Мой журнал и мой Петр Великий отнимают у меня много времени: в этом году я довольно плохо устроил свои дела, следующий год будет лучше, надеюсь», — пишет Пушкин отцу в конце декабря. А перед тем с глубоко затаенным сарказмом сообщает семейные новости: «У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит замуж за барона Геккерена, племянника и приемного сына посланника короля голландского. Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной. Шитье приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестру, но приводит меня в бешенство. Ибо дом мой имеет вид модной и бельевой мастерской».

10 января 1837 года — венчание Дантеса и Екатерины Гончаровой. Как фрейлина двора невеста получает подарок от государя. Это денежная сумма, переданная через Наталью Николаевну. Дантесу разрешено не переходить в российское гражданство, а будущих детей крестить не в православную, а в католическую веру.

Пушкин не в состоянии избежать встреч с Дантесом, не может он оградить от него и Наталью Николаевну. Та порой наивно ревнует Дантеса к сестре, не умея этого скрыть. Для Пушкина — мука непереносимая. Дантесу в этой ситуации вольготно, он безнаказанно ухаживает за свояченицей. 23 января на балу у Воронцовых он отпускает во всеуслышание рискованную шутку. Вот какую. У сестер общий педикюрщик, и как бы с его слов Дантес говорит Наталье Николаевне: «Ваша мозоль красивее, чем мозоль моей жены». Это игра слов: имеется в виду не «мозоль» (*cor*), а «тело» (*corps*). Два французских слова произносятся одинаково — «кор». Сам Пушкин этого не слышит, но молва, конечно, все до него доносит.

Его бесит казарменный каламбур, но что поделаешь: два молодых красивых тела тянутся друг к другу. Флирт не есть супружеская измена, но...

В кругу, где вращаются Пушкины, многие на стороне «бедного Жоржа», его брак воспринимают как жертву и его рыцарское увлечение

Наташей Николаевной одобряют. Пушкина, этого «тигра», «грубияна» (а то и «урода»), не любят.

К ситуации подключается государь, советуя Наталье Николаевне быть осторожнее и дорожить своей репутацией. Согласно рассказу Николая I, записанному бароном М. Корфом, в двадцатых числах января Пушкин благодарил царя за заботу и признался: «Я и вас самих подозревал в ухаживаниях за моею женой».

Он знает, что нового поединка не миновать. Выбора нет. Человек-мир выше выбора.

Решение созрело, и это дает Пушкину ощущение свободы и внешнее спокойствие. «Я только что перебесился, я буду еще много работать», — говорит он Владимиру Далю. Со многими встречается по литературным делам. Собиратель народных сказаний Иван Сахаров приходит на Мойку и на минуту застает в пушкинском кабинете Наталью Николаевну. Она сидит на полу, устланном медвежьей шкурой. Положила голову на колени мужу, сидящему в кресле. Возможна еще гармония, если жизнь продлится.

XXXVIII

А на следующий день, 25 января, Пушкин пишет резкое письмо барону Геккерну, повторяя примерно то же, что содержалось в неотправленном письме двухмесячной давности. Вспоминая эпизод с анонимным письмом, Пушкин считает себя победителем. По его словам, он тогда заставил Дантеса играть «жалкую роль», а если у жены поэта и было какое-то чувство к «так называемому сыну» Геккерна, то оно «угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном».

Увы, это не совсем так, но Пушкину важно защитить честь жены и не оставить никаких оснований для кривотолков. Письмо адресовано свету.

Точка поставлена.

Вечером Пушкин и Дантес с женами встречаются у Вяземских. Обе сестры спокойны и веселы. Глядя на самодовольного Дантеса, Пушкин не удерживается и проговаривается Вере Федоровне Вяземской: этот господин не знает, что его ждет. И еще одному человеку он доверится — свояченице Александре, по-настоящему ему преданной.

Наутро он посещает Александра Тургенева, остановившегося неподалеку на Мойке, в Демутовом трактире. Они рассматривают вместе исторические документы, привезенные из Парижа.

Возвращается домой. Является секундант Дантеса виконт д'Аршиак с письменным вызовом на дуэль. Пушкин принимает вызов не читая. Выходит из дому, встречается, как и днем ранее, с Евпраксией Вревской. Сообщает ей о том, что будет завтра. Вечером на балу у графини

Разумовской зовет в секунданты молодого дипломата Меджениса — секретаря английского посольства. Вскоре, в половине второго ночи, получает от него письмо с вежливым отказом.

Наступает 27 января, среда. В 9 утра д'Аршиак письменно торопит с выбором секунданта. Пушкин письменно же отвечает, что привезет такового прямо на место встречи. Да пусть хоть сам Дантес найдет секунданта для Пушкина: «...я заранее его принимаю, будь то его ливрейный лакей». Это, конечно, издевка. Близко к тексту «Евгения Онегина», где главный герой привозит на дуэль с Ленским к качеству секунданта своего камердинера месье Гильо.

Д'Аршиак настаивает на соблюдении правил: секунданты должны предварительно встретиться. Делать нечего, в 11 часов Пушкин отправляется к лицейскому товарищу Константину Данзасу. Тот не может отказать, и предотвратить поединок не в его силах.

Секунданты обсуждают условия в здании французского посольства на Милонной. Пушкин возвращается домой. Ходит по комнате, напевая. Видит в окно Данзаса. Тот входит, держа в руках бумагу «Условия дуэли между господином бароном Жоржем Геккерном и господином Пушкиным», всего шесть пунктов. Пушкин туда не заглядывает. Данзас отправляется за пистолетами.

Пушкин завершился.

Человек-мир прошел полный круг своей орбиты.

Он на равных с жизнью и со смертью, которые сейчас выясняют отношения между собой.

На стороне жизни:

- сознание свершенного подвига;
- новые идеи и проекты;
- молодая, красивая, пусть пока и неразумная жена;
- четверо детей;

На стороне смерти:

- невыносимое общество;
- непонимание читателей и критики, неуспех «Современника»;
- долги общей суммой в 140 тысяч рублей,
- наконец, человек с белой головой, с которым через три часа предстоит стреляться. Человек-смерть.

Возможна еще одна жизнь. Выход на новый круг.

Пора!

XXXIX

Кондитерская Вольфа на углу Мойки и Невского проспекта. Пушкин в

ожидании секунданта пьет не то лимонад, не то просто воду. Около четырех часов появляется Данзас.

С Невского они сворачивают на Дворцовую набережную. Там оживленно, многие возвращаются после катанья с гор. Среди них и Наталья Николаевна, она не замечает, как проносятся сначала сани с Пушкиным и Данзасом, потом сани с Дантесом и Д'Аршиаком. Троицкий мост. Петроградская сторона. Каменный остров — там, вдали прошлогодняя дача Пушкиных. Набережная Черной речки, где тоже доводилось им дачу нанимать.

Кони разыгрались... А чьи то кони, чьи то кони?

Кони Александра Сергеевича...

Половина 5-го. Все произойдет очень быстро.

Двадцать шагов между противниками. У каждого — пять шагов до барьера.

Секунданты заряжают пистолеты.

Пушкин первым подходит к своей границе между жизнью и смертью.

Дантес стреляет еще по пути к барьеру.

Падает Пушкин. Роняет пистолет. Пуля в животе. Льется кровь. Но нет, он не сдается:

— Attendez-moi! Je me sens assez de force pour tirer mon coup!

(«Подождите! Чувствую достаточно сил, чтобы сделать мой выстрел!»)

Ему подают запасной пистолет, и, приподнявшись, собрав последние силы, он нажимает на курок.

Есть! Дантес валится на землю! Браво!

Но нет, человек-смерть не убит. Умело заслонился рукой. Пуля отскакивает от медной пуговицы мундира, слегка ранив хладнокровного стрелка.

Пушкин один и говорит уже сам с собою:

— Странно, я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но чувствую теперь, что нет.

Человек-мир обретает последнюю гармонию.

В страшную минуту он оказался среди чужих людей. И везут его в чужой карете, присланной старшим Геккерном. Не к доктору — домой. Рана не перевязана. Почему секунданты не озаботились заранее насчет медика?

— Боюсь, не ранен ли я так, как Щербачев, — говорит Пушкин Данзасу.

Поручик Щербачев получил смертельное ранение в живот во время

дуэли с известным бретёром Руфином Дороховым осенью 1819 года. Поссорились в театре.

Пушкину больно. По пути приходится несколько раз останавливаться. Около 6 часов вечера карета, миновав широкий Певческий мост, подъезжает к дому на Мойке.

Надо вперед послать Данзаса, чтобы он успокоил Наталью Николаевну.

Выходит Никита, берет на руки барина. Тот ему:

— Что, брат, грустно тебе нести меня?

Жена в передней — сразу в обморок. Пушкин, когда его вносят в кабинет, кричит ей: «N'entrez pas!» («Не входи!»). Не надо, чтобы она видела его окровавленным. А когда он уже уложен на диван, велит ее впустить. Сразу говорит ей главные слова:

— Будь спокойна, ты ни в чем не виновата.

Докторов Данзас находит случайных: Шольца (который вообще-то акушер) и Задлера. Рана смертельная — это ясно. Позже являются Спасский — домашний доктор Пушкиных, и Арендт, лейб-медик. Они не пытаются утешить обреченного пациента. Спасский напоминает ему о христианском долге. Пушкин соглашается: возьмите первого, ближайшего священника.

Приводят отца Петра, что служит на Конюшенной площади. Пушкин исповедуется, причащается.

Арендту пора уходить. Пушкин через него просит прощения за Данзаса. Ждет царского ответа.

Арендт не застаёт царя во дворце: тот в театре. Около полуночи к доктору приезжает фельдъегерь с поручением доставить Пушкину записку, в которой карандашом начертано: «Если Бог не велит уже нам увидеться на этом свете, то прими мое прощение и совет умереть по христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми, и я беру их на свое попечение».

(Обещание монарх сдержит. Скостит 40 тысяч пушкинского долга двору, остальные 100 тысяч частных долгов возьмет на себя опека. Вдове будет назначена пенсия.)

Страшные боли начинаются в четвертом часу утра. Зачем эти мучения? Лучше бы умереть спокойно. Пора. Жену просите, жену.

Она рыдает, ее уводят. Теперь время друзей. Жуковский, Виельгорский, Вяземский, Александр Тургенев, Данзас один за другим приходят проститься. Здесь ли Плетнев, Карамзины?

Детей зовите! Он благословляет каждого.

Смерть идет.

Владимир Даль, сменяя Спасского, остается с Пушкиным ночью.

Утром Пушкину беспрестанно подают холодную воду. Он трет себе виски и лоб льдом, держит кусочки льда во рту. Внезапное облегчение.

Умиравший просит морошки, зовет жену, чтобы она его покормила. Съедает две-три ягоды. Довольно.

Наталья Николаевна, выйдя от мужа, говорит:

— Он будет жив, он не умрет.

Пушкин просит Спасского, Даля и Данзаса повернуть его на правый бок. Они слышат его слова:

— Жизнь кончена.

И потом — последнее:

— Тяжело дышать. Давит.

ЭПИЛОГ

И тут же начинается жизнь вечная.

Примерно через сто лет Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» опишет памятник Пушкину на Тверском бульваре в Москве. Выбрав для этого неожиданный трагикомический ракурс.

Второстепенный персонаж романа, бездарный поэт Рюхин, только что спровадивший своего коллегу в психиатрическую больницу, на обратном пути видит из кузова грузовика, «что близехонько от него стоит на постаменте металлический человек, чуть наклонив голову, и безразлично смотрит на бульвар».

Далее следует внутренний монолог антипатичного персонажа. При всей абсурдности в этой речи содержится значительная доля истины: «Вот пример настоящей удачливости... — тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, — какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: „Буря мглою...“? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, — стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...».

Правда в том, что бессмертие Пушкина обеспечено и его произведениями, и его судьбой. Пушкин будет нужен потомкам и как художник, и как человек. Русский читатель соединит в своем сознании ритм пушкинских стихов и прозы со стремительным ритмом его биографии. С Пушкиным как с человеком-миром можно будет обсудить

любой вопрос.

Пушкин — будет.

1 То есть членом Императорской российской академии, созданной в 1783 году Екатериной II и княгиней Е. Р. Дашковой и занимавшейся составлением академического словаря русского языка. В 1841 году Российская академия будет присоединена к Санкт-Петербургской академии наук, основанной в 1724 году по указу Петра I.

2 Стелла Абрамович в своей книге «Пушкин в 1836 году» указывает, что эпизод произошел в промежутке между 28 октября и 3 ноября, а наиболее вероятная дата — 2 ноября.

*